

ДЕТЕКТИВ & ЗАГАДКА

Наталья АНДРЕЕВА

Самая коварная богиня,
или Все оттенки красного

Наталья Вячеславовна Андреева Самая коварная богиня, или Все оттенки красного

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444617

Наталья Андреева. Самая коварная богиня, или Все оттенки красного:

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-68414-4

Аннотация

Завещание известного художника Эдуарда Листова разочаровывает его родню. Половину своего состояния он оставил внебрачной дочери Марусе Кирсановой. Она вместе с матерью живет в глубокой провинции. Марусю срочно вызывают в Москву. От девушки хотят избавиться как можно скорее, любым способом. Но в поезде она знакомится с красавцем-авантюристом Эдиком Оболенским и, сорвав стоп-кран, пускается вместе с ним на поиски приключений. А сумочку с документами забывает в вагоне. Ее находит Майя, Марусина ровесница. На площади трех вокзалов растерявшаяся Майя попадает в аварию. Как раз под колеса машины, в которой вдова Листова едет встречать юную наследницу. Майю принимают за дочь Эдуарда Олеговича и с тяжелыми травмами отвозят в больницу. И тут кто-то из

большого семейства Листовых предпринимает первую попытку убить девушку...

Содержание

Красный	65
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Наталья Андреева

Самая коварная богиня, или Все оттенки красного

«Куда уходит вдохновение? Да туда же, откуда пришло: в облака, в розовый дым костра, зажженного Творцом всего сущего, в черное пространство бесконечной Вселенной, на поиски новой планеты, чтобы озарить ее серое существование и заставить вертеться быстрее всех прочих. Гнаться за ним бессмысленно, искать его бессмысленно, надо сразу почувствовать, что твоя собственная планета остановилась, замерла на своей орбите, и прислушаться к голосу разума, оставив в покое чувства. Нет их больше. Все, кончились. И вдохновение кончилось»...

Остановиться... Да, надо остановиться. Оглянуться на прожитые годы и понять, что, в сущности, ничего еще не сделано, до главного руки так и не дошли.

«Фу ты, как пафосно!» – Он невольно поморщился. Не по рангу ему такие мысли. Не классик.

– Эдик, тебе надо отдохнуть.

Отдохнуть? От чего, собственно? Журналисты его дверь не осаждают, критики вообще забыли о существовании такого художника. Эдуард Листов? А кто это? Вот и скажи в глаза жене правду:

– Надо признать наконец, что моя работа бессмысленна. А ведь мне уже пятьдесят стукнуло, Нелли! Пятьдесят! Мы пять лет вместе, ты возишься со мной как с ребенком, и чего я добился?

– А Ван Гог, между прочим, при жизни продал только одну свою картину.

– Я не Ван Гог, я всего лишь Эдуард Листов. Увы. И все, мною написанное, откровенная пошлость.

– Как всякий талант, ты в вечном поиске.

– Кто сказал, что у меня талант? Кто?!

– Я тебе это говорю, а меня, между прочим, научили разбираться в живописи.

– Здесь не разбираться, здесь чувствовать надо. Что ты чувствуешь, глядя на мои картины? И вообще, хоть что-нибудь чувствуешь?

– Эдик, близится осень. Для тебя это не самое лучшее время. У моих хороших знакомых есть небольшой домик в средней полосе, бабушкино наследство. Двенадцать часов на поезде с Павелецкого вокзала. Поезжай, поживи там месяц, другой. Просто поживи, не бери с собой ни краски, ни кисти.

– Нелли!

– Хорошо, хорошо, возьми. Но дай слово, что не будешь себя насиловать. Ешь, пей, спи, делай что угодно, только не работай.

– Уговорила. Мне надо собраться с мыслями, понять, что делать дальше, как жить, чем жить. Тяжело в пятьдесят лет

начинать жизнь сначала... Нелли! Все-таки хорошо, что ты у меня есть!

– Но ты знаешь, что я никогда не смогу родить тебе ребенка.

– У меня есть сын и два внука. Для продолжения рода вполне достаточно.

– Ты всегда хотел девочку. В нашей семье не хватает девочки. Маленькой, хорошенькой...

– Нелли!

– Да-да, я успокоилась. Давно уже успокоилась. У меня ведь есть племянница. И я люблю ее. Как дочь люблю. Ты и она – это все, что у меня есть. И твои картины. По-моему, неплохая жизнь, а?

– Тебе тоже надо отдохнуть. От меня. Хватит терзаться, Нелли. Ты ни в чем не виновата. И уж, конечно, не виновата в том, что я неудачник.

– Я... Виновата... ты знаешь...

Она опять всхлипывает. Ну, сколько можно сокрушаться? Не надо ему больше никаких детей! Как только речь заходит об этом, у его замечательной жены над разумом начинают преобладать слепые инстинкты. Размножаться ей хочется! А зачем? Эдуард Листов – тупиковая ветвь эволюции. Пора бы уже успокоиться, не девочка. Ну, что тут можно сделать? Определенно: им надо друг от друга отдохнуть.

– Звони своим знакомым. С какого, говоришь, вокзала отходит поезд?

Неделю спустя

Эдуард Листов стоял у открытого окна и смотрел на быстро меняющийся пейзаж. Ветер бил в лицо, глаза слезились, но Листов даже не морщился. Час, два... Жилые дома, деревья, дачные участки, станции и полустанки пролетают мимо, становясь все мельче, незначительней, реже... И он сам словно мельчал, растворялся в матушке России. Боль утихла.

Лучше лекарства, чем путешествие по провинции, для истосковавшейся души не найти. Здесь тихо, удивительно спокойно, да и люди попроще. Никто не мечется в поисках неведомо чего, не пытается поймать за хвост удачу. Как сложилось, так сложилось. Не всем же москвичами быть! И уж тем более знаменитостями.

Надо ценить свою осень. Понять ее мудрость, тихую светлую грусть, и сказать себе: «Господи, как хорошо!»

– Господи, как хорошо!

Он не хотел работать. Совсем. После того как каждый подход к мольберту вызывал только отвращение и почти физические мучения, не хотел. Рука, держащая кисть, дрожала, в душе был страх. А вдруг опять не получится? Он поверил вдруг, что это конец. Все. Не будет больше ни одной картины. Все написанное Эдуардом Листовым – откровенная пошлость, он нашел в себе мужество это признать. Но жизнь не кончена, нет. Надо найти себя, нового, и прожить свою осень

достойно, без надрыва...

...На окраине небольшого провинциального городка деревянные дома стояли тесно. Лепились друг к другу, как соты в улье, Листову оставалось только удивляться плотности застройки и тому, что пчел, иначе людей, вокруг не видно. И деловитого жужжания не слышно, напротив, царит сонная тишина, изредка лениво тявкнет собачонка, да вдруг заквахчут куры, крякнут гуси. И вновь – тишина. Из щелей в заборах местные жители с удивлением смотрят на высокого мужчину в черной шляпе, с белым шарфом на шее. Конец лета прохладен, а у него всегда было слабое горло. Чуть застудился – и ангина. Но не объяснять же всем подряд, почему в августе месяце он ходит по улице, обмотав шею пусть шелковым, но шарфом? Вернее, кашне, но это слово явно не из лексикона провинциалов.

Он здесь чужой. Он пьет по утрам кофе, который привез с собой из Москвы, и к его аромату все невольно принимают, потому что аромат этот тоже чужой.

В местных магазинах пустые полки, не в дефиците разве что спички и соль, зато на огородах зреет завидный урожай. Земля здесь жирная, сочная, на редкость плодovitая. Ранним утром все тянутся на грядки, в поле, а часам к шести вечера уже никого не встретишь на улицах, кроме редких прохожих, спешащих с работы, потому что работа мало у кого осталась. А позже появляются люди, от которых резко пахнет спиртным. Они ковыляют за добавкой к местным само-

гонщикам. Водка тоже в дефиците, да и дорого. Маленький городок не живет, а дремлет.

К Эдуарду Листову все относятся настороженно. Откуда взялся? Что делает? Почему не работает? Если на службу не ходит, то хотя бы хозяйством занимался. Не положено так, совсем без дела. Если только алкаш, но мужик в шарфе и шляпе на алкаша не похож, уж больно интеллигентный. И за самогоном не бегаёт. Целыми днями гуляет в парке или просто сидит на лавочке, курит одну сигарету за другой и часами смотрит в хмурое небо. Потом поднимается, бредет обратно к старому дому, не оглядываясь, не вступая ни с кем в разговор...

– Извините, вы сюда как, на постоянное жительство приехали? Али погостить?

Он невольно вздрагивает. Надо же, какая смелая нашлась! Нарушила его покой, избавила от одиночества, которым он, кстати, не тяготится.

Листов увидел, что женщина кокетливо улыбается. Яркая, разбитная бабенка. Вот уж кто не задается вопросом о смысле жизни! Кажется, она – его соседка.

– Нет. Я... отдыхаю. Это дом моих знакомых. Вернее, знакомых моей... – он махнул рукой. К чему объяснять? Пустой, ни к чему не обязывающий разговор.

– Жены, да? Вы женаты?

– Да. Я женат, – надо оборвать разом ее намеки, пресечь это кокетство, дать понять, что меньше всего он сейчас нуж-

дается в женщине и в ее любви. Устал.

– И дети есть?

– Есть. Сын.

– А у меня вот нет. Ни мужа, ни детей.

– Поздравляю. То есть я хотел сказать, что... – Ну, не даются ему сегодня длинные фразы! Утешать ее? К чему?

– Странный вы. А по профессии кто?

– Художник.

Зачем сказал? Эти женщины – странные создания. Ну, не хотят они любить простых, понятных мужчин. Если бы сказал, допустим, что инженер, она бы сейчас так не смотрела. А вот поэты, артисты, художники – это для женщин все равно, что боги. Глаза сразу вспыхнули, словно свечку зажгла и водрузила на алтарь. Готова!

– Ах, худо-о-ожник! Надо же, как интересно!

– Ничего интересного. Простите, я дома чайник с плиты снять забыл. Всего хорошего.

– Ах, чайник! Я, между прочим, ваша соседка. Алевтиной меня звать.

– Очень приятно.

– А вас? Вас как звать? – кричит она ему вслед, а он уже повернулся к словоохотливой Алевтине спиной, пусть это и невежливо. – Эй! Пойдите же! Может, вам бельишко постирать?

Он нехотя задержался, сказал сквозь зубы:

– Эдуард Олегович. Так меня зовут. Стирать ничего не

надо, готовить тоже. Я здесь ненадолго, и в еде неприхотлив. Всего вам хорошего.

– Так я все равно зайду к вам как-нибудь, Эдуард Олегович! – не унялась Алевтина и с намеком добавила: – По-соседски. У нас тут так принято.

Он с досадой поморщился. Да, это провинция. Маленький городок, все друг друга знают. Маша сказала на ушко Даше, Даша Саше, и понеслось. На следующий день к вечеру уже полгорода знает, что в домике на южной окраине отдыхает художник из самой столицы Эдуард Олегович. Разговорчивая Алевтина всем сообщила, что она вхожа в дом к знаменитости. На самом деле никакая он не знаменитость, просто жалкий неудачник, но в устах сплетницы получается, что чуть ли не главный художник в стране. Теперь, когда он идет по городу, его преследуют не только внимательные взгляды – почтительный шепот. Художник! Из столицы! Знаменитость! Им все равно, что он неудачник и ничего существенного так и не добился в свои пятьдесят, только смертельно устал. Он – художник! Нет, не так. Для этих провинциалов он Художник. С большой буквы.

А это еще что за явление? Небольшого росточка мужичок, лицо простецкое, нос картошкой и цвет его подозрителен, красный, весь в порках. Пьет?

– Что вам угодно? – Листов морщится, тщательно подбирая слова. И обидеть не хочется, и спровадить поскорее страсть как охота.

– Извините, я местный, так сказать, живописец. Для краеведческого музея, так сказать, пишем помаленьку. Виды природы. Не хотите взглянуть?

– Я вообще-то домой иду.

– Да у меня с собой. Так, пара этюдиков. – Суетливые жесты, шуршание бумаги, мужичонка торопливо сует ему папку, глянул мельком: акварель. Обоим неловко. Местный генний мнется, отводит глаза. Он, гений столичный, рассеянно говорит:

– Да-да, недурно.

– Правда? Вам и в самом деле нравится?

Он вынужден взглянуть повнимательнее, а потом и вовсе взять папку в руки.

Это, во всяком случае, гораздо лучше чем то, что писал до сих пор Эдуард Листов. Не избито, пусть и непрофессионально. Почему не сказать этому жалкому провинциалу правду?

– Да. Мне нравится.

– Так я вам оставляю? Гляньте, когда время будет.

– Как угодно. Но я все уже посмотрел.

– А еще можно принести?

Господи, что за люди? Мужичонка смотрит на него с надеждой, как будто перед ним не заурядный столичный художник, а сам Господь Бог! У Листова нервы не выдерживают:

– Послушайте, я ведь не критик...

– Но вы из самой столицы! Художник! Мне ж только мнение узнать... Может, бросить все? А? Жена вот запилила совсем: лучше бы ты, Вася, сторожем пошел работать. Все деньги.

– Она права. Сторожем лучше. Послушайте э-э-э...

– Вася.

– Василий... э-э-э... бросьте вы это дело. Творчество – это мука. Вы готовы на костре заживо гореть?

– Не понял?

– Творить – это значит гореть. Страдать. Не умирать, будучи объятым пламенем, но мучиться постоянно, бесконечно. Даже когда получилось, все равно мучиться оттого, что мог бы лучше. Должен был лучше, обязан лучше. А кому обязан-то? А? Людям? Так не оценят. Ведь никто не спрашивает, не заставляет. Себе в первую очередь обязан. А когда вдохновение ушло? Тогда что? Как жить? Чем? Ведь было же. Было...

– Простите, я вас не совсем понял.

– Это вы меня простите. Разговорился... Пойду, пожалуй.

– Так я к вам зайду?

– Извините, зачем?

– В гости. У нас так принято.

Он махнул рукой: все равно теперь не отделаешься от этого художника доморощенного. Сунул все-таки свою папку. Ну почему это люди, все, без исключения, как только узнают, что ты художник, сразу же начинают тащить к тебе всякую

дрянь? Рисунки дурацкие, поделки из глины, стишки детей своих бестолковых, у которых якобы талант? Мол, оцените, как человек искусства. Отдохнул, называется! Черт бы побрал эту Алевтину!

Легка на помине!

– Не помешала?

– Что вам угодно? – Он старается быть с ней поосторожнее.

Она уже бог знает что себе вообразила!

– Вот уж и угодно! Какой вы!

– Я занят, извините.

– Так я и хотела по хозяйству помочь. Может, постирать чего али приготовить?

– Вы уже спрашивали. Спасибо, я сам как-нибудь справлюсь.

– Какой вы... – тихий вздох. – Несговорчивый... Оно понятно: я женщина простая. А вы – знаменитость! Вот и брезгуете.

– Да вы не так поняли. Просто я... не хочу никого видеть. У меня... неприятности.

– Умер кто?

– Можно сказать, что я умер, – грустная улыбка. – Умер художник Эдуард Листов.

– Ой! – Она испуганно зажала ладошкой рот. – Это как же?

– Да вы опять не так поняли. Это образно. На самом деле я, конечно, жив...

– Ну, понятно: вы ж художник! Знаменитость! Так чудно говорите.

– А с чего вы взяли, что я знаменитость?

– Так художники ж все знаменитости! Ни теперь, так после, это Бог так рассудил.

– Интересно, – он посмотрел на Алевтину повнимательнее.

А ведь красивая женщина, все при ней. Яркая брюнетка с высокой грудью, вся налитая жизненными соками, словно спелая ягода. Чуть тронь ее губами – брызнет обжигающая, густая сладость, которую жадными глотками пить, захлебываясь, и пить, и пить... Тьфу ты, черт! Почти месяц без женщины! Так и лезут в голову... Ассоциации...

Он постарался взять себя в руки, сказал размеренно:

– Мне пятьдесят лет, уважаемая Алевтина, как вас там по отчеству?

– Да чего уж! Алей просто зовите.

– Для пылких любовных романов я староват. И давайте на этом закончим.

– Да мне ж ничего не надо. Не пристаю я к вам. И потом... – она хихикнула, прикрыв ладошкой рот, он уже отметил эту ее дурную привычку. Дамы не хихикают, и эмоций своих не стесняются. Смеются открыто, свободно, вот как его Нелли. А эта... Кокетничает, как школьница: – Скажете тоже: староват! Вы мужчина в самом соку. Еще и женаты! Значит, все, что надо, можете!

Он едва не покраснел. Что за намеки? Строго спросил:

– А вы почему не замужем?

– Успею еще! Двадцать пять не пятьдесят. Да и кавалера подходящего не нашлось. Так я сготовлю для вас что-нибудь? Да хоть картошку на сале пожарю! Так, по-соседски.

– А люди будут болтать?

– Что мне люди? Болтают уже! Им бы только языками чесать! Лучше уж пусть художника припишут, чем Кольку-шофера!

– Да, я вас понимаю. Лучше уж художника.

Провинция, тихая провинция, а на деле – гудящий улей. Так вот чем они все заняты! Пересудами. Даша сказала Маше, Маше сказала Саше... Вот тебе и отдохнул! Может, Нелли об этом знала? О том, что ему скучать-то не придется? Она умница. Образованная, интересная женщина, искусствовед. Хотела, быть может, чтобы он понял: кроме Москвы, есть еще и огромная, необъятная страна – Россия. И в этой стране он, Эдуард Листов, отнюдь не последний человек. Он человек особенный. Столичный художник. Элита. И про Алевтину эту Нелли наверняка знала. Вернее, про всех этих Алевтин, любителейниц сошедших с небес богов, поэтов ли, художников, все одно. Знала и дозволила: живи. Пользуйся. Только не изводи себя, не страдай, не умирай. Только не умирай...

...Поздно вечером, когда Алевтина ушла домой, он открыл папку с рисунками местного живописца Василия... как

там его фамилия? И не вспомнишь. А ведь и в самом деле недурно! На Мане смахивает, только... Вот именно: только. Никакой это не Мане, ярко, по-русски самобытно, свежо. Есть в этих акварелях нечто особенное: интересное цветовое решение. Преимущественно оттенки красного: розовый, малиновый, багровый, алый. Но это всего лишь акварель. Размыто, нечетко. Тут нужна определенность, масло, твердый грунт, и мазочки маленькие-маленькие, потому что надо трогать холст кистью аккуратно, по чуть-чуть, словно пробуя на вкус гармонию цвета, как опытный дегустатор пробует языком молодое, только что народившееся вино. По глоточку, по глоточку...

Ах ты, Господи, как красиво!

Неужели здесь есть такие прекрасные места? Мысленно он начал ругать себя: тоже мне, художник! Ходил, ходил – и не разглядел! Но всему есть оправдание. Солнца сейчас нет, погода пасмурная, оттого и природа не играет. А подсвети ее легонько звенящим лучиком, и она воссияет, восстанет из тумана во всей своей русской красе. Ему бы сейчас только солнца, тепла. И тело согреется, сердце бешено застучит. Ему бы тепла, художнику Эдуарду Листову.

Художнику?! Кончено с этим. Кон-че-но.

Два дня спустя

Он уже мучился бездельем. Чего-то не хватало. Не работы, нет. Для художника везде, где бы он ни находился, есть

работа. В любой точке земного шара. Чего-то не хватает, чтобы взяться за кисть. Неужели вновь хочется писать? Неужели вернулось? Местный живописец Василий принес еще одну папку. Нет, не только акварели он пишет, есть и масло. Но масляные краски дороги, Василий их экономит, потому как деньги с трудом огромным выпрашивает у сердитой жены Натальи, которая каждый день его пилит:

– Лучше бы ты, Васька, сторожем работать пошел, раз делать ничего не умеешь. Всё деньги. Устала я уже тебя кормить, ирод! Тунеядец проклятый, урод!

А если бы ты, Васька, в столице родился или хотя бы поближе к ней, не ты Эдуарду Листову, а Эдуард Листов тебе бы сейчас с поклоном шедевры свои приносил для оценки. Может, эту планетку оно себе теперь подыскало, вдохновение-то? Аж завидно.

Он делает строгое лицо, стараясь не выдать своих эмоций.

А Василий пыхтит в уголке, страдает, пока столичный художник рассматривает его рисунки, Алевтина здесь же, суетится у стола.

– Я соседям сказала, что вы меня, Эдуард Олегович, наняли в домработницы. По хозяйству помогать, – напевно говорит она, косясь на Василия. Мол, это я соседям так сказала, но ты, друг любезный, уж передай по городу, как оно на самом деле обстоит. Все эти переглядки обскажи, да долгие вечерние разговоры. Не домработница я, а муза. – Вы, Эдуард Олегович, не переживайте. Ежели что, жене вашей так

и передадут.

– Я вам, Аля, заплачу, – поспешно говорит он.

– Да чего уж там! Не чужие люди, соседи! Прошу грибочков моих отведать. Не бойсь, не отравитесь! Я их со сметанкой стушила, да в русской печке. Пальчики оближете!

Грибочки действительно на удивление хороши. Листов жмурится от удовольствия, уплетая уже вторую тарелку. Никогда такого не ел! Вот они, чудеса русской печки! Василий жует нехотя, глаза опустил в миску. Переживает. Учиться бы ему, да поздно. Да и жена ходу не даст. Ну что он, Эдуард Листов, может сделать для этого, безусловно, талантливого, но очень застенчивого и неприкаянного человека? Такому не пробиться, будь он хоть трижды гений.

– Водочки, может? Под грибочки? – улыбается ярким ртом Алевтина.

– Оно бы хорошо, – вздыхает Василий. – Только магазин-то, поди, закрыт уже.

– Так я принесла.

Подмигнув мужчинам, Алевтина ловко достает из кухонного шкафа бутылку водки. Когда только успела принести ее в дом? С кокетливой улыбкой местная красавица водружает беленькую на стол:

– Так что? Эдуард Олегович?

– Ну, не знаю, не знаю. Я вообще-то водку не пью. Только вино.

– А говорят, знаменитости пьют вусмерть, – качает голо-

вой Алевтина. – Брешут, значит?

– Рюмочку, пожалуй, выпью, – соглашается он. – За Василия.

Тот мгновенно тушуетя, машет руками: нет, нет, не за меня, за вас! За столичную знаменитость. Вот простота! Надо бы его утешить, обрадовать, да нечем.

– Жаль, что поздно мы встретились, Василий... э-э-э... – Черт, как же все-таки его отчество? Неудобно. – Ничего я для вас сделать не могу.

– Да не надо ничего! – испуганно машет рукой местный живописец. – Я ж так, показать. С детства тянет. Это ж сила такая, что дух захватывает! Нутро выворачивает. Ей, извинюсь, как рвоте, удержу нет.

– Ну, сказанул! – качает головой Алевтина. – За столом, да при деликатной личности! Олух!

– Ничего-ничего, Алечка, я и не такое слышал. Ладно, выпьем. За талант.

– За вас, – разом поднимают рюмки эти Василий с Алевтиной.

Время летит незаметно. Он чувствует легкое опьянение и вновь радуется жизни. А ровно в десять вечера обращается к Василию:

– Проводите Алевтину до дома, сделайте одолжение. Вам, кажется, по пути.

Уходить красавице не хочется, это видно. Но он еще так и не решился окунуть губы в сладкий сок, которым она налита

до самых краев. Это покрепче беленькой будет. А ведь Нелли – замечательная женщина. Умная, интеллигентная. Не стоит так быстро ее предавать. Быстро? Значит, втайне он все-таки думает о предательстве и подсознательно на него готов? Чего ж тут думать! Он мужчина, а рядом женщина, которая вот уже вторую неделю себя откровенно предлагает. Красивая, доступная. Ну, не дурак ли он?

– Я провожу, – с готовностью вскакивает с места Василий.

Уходят. Он вздыхает, то ли с облегчением, то ли с сожалением. Скоро сентябрь, а его, Эдуарда Листова, никто не торопит, в Москву возвращаться не просит. Не ждут его там. И погода не торопит, это простые труженики сейчас в полях, собирают урожай, радуясь каждому солнечному дню. Он тоже радуется, но по-своему. На солнышке греется, природой наслаждается. Ему вдруг становится стыдно. Нужны людям сейчас его картины? А вообще нужны? Время романтики безвозвратно ушло, началась битва за выживание. И то ли еще будет!

...Рано утром он идет в лес, прихватив с собой берестяное лукошко. Грибы Алевтина готовит замечательно, к тому же обещала засолить несколько баночек про запас. Надо обязательно привезти Нелли подарок. Собрать гостей, выставить на стол эдакое лесное чудо и между делом сказать:

– Провел пару чудесных месяцев в одной глухой деревеньке, писал этюды. И питался исключительно дарами природы. Грибочки эти сам собирал.

И столичные жители, всю жизнь покупавшие грибы готовыми, в баночках, заохают и дружно потянутся к лакому блюду. А на следующий день пойдет молва: Эдуард Листов два месяца провел на этюдах! Значит, вернулось к нему вдохновение? Значит, не стоит его еще сбрасывать со счетов?

Вот вам и грибочки! Не просто прогулка, а дело.

А утро-то прелестное! Дивное августовское утро. Воздух и впрямь кажется нежно-розовым, на вкус сладким, как карамелька, от первых лучей утреннего солнца все вокруг словно тает, отчего образуется легкая дымка. И цвет ее именно розовый! Не сиреневый, не голубой. Усмотрел-таки местный живописец Василий! Земля влажная, пахнет сытно, приятно и сплошь будто бы усыпана золотыми денежками. Это опавшая листва берез, которые к зиме готовятся рано. Эти золотые монетки так и просятся в руки, словно и впрямь могут обогатить.

Он невольно жмурится от удовольствия: как красиво! Вот тебе и провинция!

А вон и девица бредет с корзинкой, полной грибов. На голове белый платочек повязан, глазищи огромные, серые, щеки румяные, губы сочные. Стройная, как березка, и неприступная. Но он все же решается ее окликнуть:

– Доброе утро, девушка! Вы не боитесь бродить по лесу одна?

– Ой!

– Не пугайтесь! Я не бандит.

– Я знаю... – Она невольно краснеет, отчего становится еще милей. – Вы художник из Москвы.

– Как? И вы уже знаете?

– Кто ж не знает? Весь город только об этом и говорит!

Вы картину приехали сюда писать, да?

– Не знаю еще. Теперь, наверное, напишу. А вы кто?

– Учительница литературы. Работаю в местной школе. Каникулы у меня сейчас, потому и по грибы хожу. Но скоро в школу. Завтра вот педсовет.

– Все понятно. Каникулы. А завтра педсовет. – Он отчего-то бессмысленно улыбается. Бессмысленно, беспричинно. Ему отчего-то вдруг стало так хорошо...

Она же смущается и начинает оправдываться:

– А бандитов здесь нет. Да я и не хожу далеко в лес. Так, по окрайкам. Грибов и тут полно. Вот, смотрите.

Она показывает ему свою корзинку. А ведь и впрямь хороши грибочки! Осиновые, боровики, березовики, полная корзина. Он что, искать не умеет? И где такие прячутся?

– А я вот ничего не набрал. Смотрите, – он показывает красавице лукошко, где грибов – на доньшке. И то почти одни сыроежки.

– Хотите мои?

– Да что вы! Зачем?

– Вы ж художник.

– Ничего, значит, делать не умею? К жизни не приспособ-

ленный? Так, что ли?

– Почему не умеете? Каждый делает то, что должен. Для чего он на свет родился. Главное, чтобы дело было по душе.

– А у вас, значит, призвание детей учить?

– А что, разве недостойное призвание? Мне нравится моя работа.

А девица-то с характером! Гордая. Ишь, как глазищами сверкнула! Эта навязываться не будет, не Алевтина. Сейчас скажет «всего хорошего» и пойдет домой со своим лукошком, полным грибов. К урокам готовиться, планы писать, ведь скоро в школу.

Ему отчего-то становится страшно. Так не хочется ее потерять!

– Я вас провожу.

– Да нет, спасибо. У нас люди глазастые. Я с вами пройду, а потом весь город говорить будет.

– А вы сплетен боитесь? Или муж ревнивый?

– Я не замужем. А сплетен да, боюсь.

– Хоть скажите, как вас зовут?

– Вероника Юрьевна.

– Юрьевна. Что ж. Всего вам хорошего, Вероника Юрьевна.

Ушла. Затерялась в березках лесная фея. Хорошая девушка. Чистая, светлая, недаром ее в березках встретил. Написать бы ее вот так, в этих березах, с корзинкой в руках, на голове белый платочек, глаза строгие, серые, похожие на

речные омуты. Только подсветку розоватую надо сделать. Интересная у Василя цветовая гамма, очень интересная... Идея-то хороша, надо только ею проникнуться да как следует обыграть. Похоже, зажегся он этой провинциальной Вероникой. Как она там сказала? Учительница литературы? Сколько же в этом во всем света! Света, тепла и простоты. Чистоты истинно русской. Вот он, заветный солнечный луч! Греться надо, спешить. Неужели оно вернулось? Вдохновение?

Теперь, значит, надо готовиться к муке. Нет, раз вернулось, жить спокойно не даст. Но это же... счастье. Теперь он понял, что только это и есть счастье. Не покой, нет. Несчастливы люди, живущие достатком и покоем.

А теперь надо бежать... За ней, за Вероникой. За своей звездой.

Он и в самом деле чуть не припустил. А потом начал себя корить: куда, безумный? Надо прийти официально, в школу, честь по чести. Представиться, провести классный час, или как у них это называется? Встреча с интересным человеком? Словом, надо себя зарекомендовать человеком положительным, провожающим школьную учительницу без всяких задних мыслей. Везде ведь глаза и уши.

А потом, между делом, предложить Веронике написать ее портрет. Вот как надо.

Он тут же спохватился: куда краски-то задевал? И почему портрет? Какой из Эдуарда Листова портретист? Отродясь

такого не было, и вдруг пробило! Просто голова кругом!

Господи, как хорошо-то! Сколько раз умолял тебя, Господи, выпрашивал: отдай то, что взял! Подарки не забирают обратно. Раз наградил, так оставь навечно. Верни мне мой талант. Ведь был он, не просто так нескладный парнишка Эдик Листов поступил в художественное училище. И вот оказалось, что подарок-то где лежал, там и лежит. Как волшебная дудочка, дожидается своего заветного часа. Значит, рано было. До пятидесяти лет дожил, а получается, что рано стал считать себя художником. Не дотерпел, вот и наказан. А вот и время пришло: труби заветную. Громче труби, рождается художник Эдуард Листов. Тот, который войдет в историю. Умер бездарный живописец, умер творец пошлости. У него еще есть несколько чудных лет, дивных лет. И Вероника...

На следующий день

Эдуард Листов выяснил у соседки, где находится школа, и на следующий же день к обеду отправился туда. Пожилая женщина в перепачканной известкой одежде, с тряпкой в одной руке, с ведром, полным мыльной воды, в другой, удивленно открыла рот. Столичная знаменитость посетила местную школу! Листов невольно улыбнулся, глядя на полное ведро: к удаче, к деньгам.

– Извините, я ищу учительницу литературы Веронику Юрьевну.

– Она на педсовете.

«Я знаю», – чуть не проговорился он. Женщина по-преж-

нему стояла, открыв рот. Кажется, таких, как она, называют «технические служащие», сокращенно «технички». А по сути уборщицы.

– А долго еще будет длиться педсовет? – спрашивает он.

– Кто их знает! Может, сию минуту закончится, а может, еще час будут сидеть. Это как дело пойдет. Я, милый, учителям, когда они заседают, звонков не даю. Ить это мое начальство!

– Я подожду. Не подскажите, в каком кабинете заседают?

– Второй этаж, направо, в учительской они все.

– Ах, в учительской! Очень хорошо.

– А правда, что вы это... художник?

– Правда.

– Ну, надо же!

Она небось думает, что он как Репин. Или Левитан. Титанище. Выставляется везде где только можно. Но что толку ей объяснять?

Какое-то время он мнется в коридоре, подбирая нужные слова. Не хотелось бы ее спугнуть. Удивится ведь, увидев его здесь. Так и есть:

– Вы?!!

Серые глаза удивленно распахнуты. Выходящие из дверей учительской коллеги на них косятся и перешептываются. Он видит, как Вероника заливается краской. И тут же начинает извиняться:

– Простите меня, бога ради! Вчера в лесу вы мне так за-

помнились, что я не удержался. Выяснил, где находится школа, и пришел, чтобы вас увидеть. Не сочтите за дерзость, но я хотел бы написать ваш портрет.

– Мой портрет?! Мой?!!

– Вы, кажется, против?

– Нет, что вы! Но это же такая честь!

– Для меня – да. Вы замечательная девушка. Я, конечно, понимаю, что городские сплетни...

– Ничего, я как-нибудь переживу, если вам это действительно необходимо.

– Необходимо! Вы даже не представляете себе, насколько необходимо! В этом теперь все, в этом жизнь моя! Вы должны понять, Вероника Юрьевна...

– Да-да... Ой, господи! – Она хватается за пылающие щеки. – Столичная знаменитость будет писать мой портрет!

– Я говорю сейчас глупости, но молчать не могу. Я вчера словно свет увидел. Свет и... вас.

– Я все понимаю: вы как художник сейчас говорите. И в этом нет ничего такого... Ну, *такого*...

– Нет, нет! Я только портрет!

– Когда же вы будете его писать?

– Да хоть сегодня! Хоть сейчас!

На них уже не просто смотрят. Замерли, как в кинотеатре, перед экраном, где мужчина и женщина объясняются друг другу в любви, рты приоткрыли. Да, он что-то разошелся. Надо бы поспокойнее. Иначе можно ее, как это сказать?

Скомпрометировать.

Он невольно улыбается. Как же все здесь серьезно! Но девушка – чудо. Возродила его к жизни.

– Вероника, вы заняты сегодня? Мне прямо не терпится начать.

– В общем-то, нет. Я не занята. Учебный год еще не начался. Я живу с мамой, мужа и детей пока нет... Мы вдвоем.

– Я все понял. Можно к вам сегодня вечером зайти? Я объясню вашей маме, что не собираюсь вас компрометировать. Хотя писать бы я вас хотел в лесу, в березках. Это не страшно?

– Нет.

Она сказала это с легкой заминкой. Он вдруг подумал, что из-за своей прихоти вполне может жизнь девушке сломать! Да кто на ней женится после того, как она каждый день будет уходить в лес с художником и оставаться там допоздна? Это же провинция! Никто ей этого не простит, пойдут сплетни.

«Ах, они там картину пишут! Ну, понятно. Известно, что за картина, на мягкой травке, да в такую погоду!»

Но как же она ему нужна! Прямо кровь закипела! Ничего, обойдется. Он напишет ее портрет и уедет, а с ней все будет в порядке. Найдется и для нее муж. Вон, какая красавица!

– Так я зайду вечером, Вероника?

– Конечно. Мама будет рада.

– А вы?

Она вспыхивает до корней волос, потом смущенно гово-

рит:

– Я рада послужить искусству.

Он, улыбаясь, записывает адрес. Кажется, для них с Вероникой начинается новая жизнь.

...Она действительно живет вдвоем с мамой. У них маленький уютный домик на северной окраине, и ему придется идти пешком через весь город. В руке у него коробка с пирогом, испеченным Алевтиной. Они тоже подготовились: в передней накрыт стол. Угощение нехитрое, все те же грибы, тушенные в сметане, должно быть, местный фирменный рецепт, на глиняном блюде аккуратно разложены пироги, на другом – румяные яблоки.

– Чем богаты.

– Не беспокойтесь, бога ради! Я не хочу есть. Просто решил познакомиться.

– Садитесь, пожалуйста. Чаю хотя бы выпьете?

– Чаю выпью.

Вероника одета в простенький ситцевый халатик, она стесняется и нервно теребит тоненькими пальчиками поясок. Его сердце пронзает жалость. Чистенькая, очень ухоженная бедность. Надо было кофе с собой принести. Но – неудобно. Он словно видит этих людей насквозь. Гордая, непродажная бедность. Они милостыню не примут. Перед ним настоящие русские женщины, а эти умеют терпеть. Они ничего так не умеют, как терпеть.

Он, не отрываясь, смотрит на Веронику. Кажется, ее мама

что-то говорит:

– ...двадцать два года, только-только институт окончила. На работу устроилась, а то в городе с этим проблемы. Теперь и о свадьбе можно подумать.

– Простите?

– Жених-то уже два года как из армии пришел. Поначалу Вероника его дождалась, теперь он ее ждет.

– Ах, жених! И когда свадьба?

– Да уж почти сговорились.

– Мама!

– А что тут такого? Дело не стыдное – замуж выйти. Поживете пока здесь, а там, глядишь, государство квартиру даст. Парень-то на заводе работает. Честный парень, хороший, с руками, с головой...

– Мама!

– А образование – дело наживное. На заочное поступит. И будет в скором времени, Верочка, у тебя муж-инженер.

– Мама!

– Да что ты все заладила, «мама» да «мама»? Я говорю, что жизнь свою устраивать надо. А вы, товарищ художник, женаты небось?

– Да, я женат.

– И дети есть?

– И даже внуки.

– Так вы, выходит, старше меня!

– Мама!

– Да, мне пятьдесят.

– Пятьдесят! А я Верочку в двадцать три родила.

– А почему вы ее Верочкой зовете?

– Да это все ухажер мой придумал: назови, мол, Вероникой. Имя-то красивое дал, да и скрылся. Одна я Верочку растила, потому и судьбы своей для нее не хочу.

– Мама!

...Все-таки договорился на завтра! Родительница отпустила Веронику в лес, или, как он сказал, «на пленэр». Слово произвело впечатление. Пленэр – это не то же самое, что разврат. Звучит благородно, да и суть сего явления возвышенная. Дозволили. Аминь.

Эдуард Листов пришел домой поздно вечером, усталый и словно пьяный. После того как он ушел от этих милых женщин, все бродил, бродил по городу. Никак не мог успокоиться, представлял себе, как завтра придет в лес, достанет кисти, краски, и первый, трепетный мазок ляжет на полотно. Чудо просто, что на него снизошло озарение! Что вновь не терпится!

Осторожный стук в окно.

– Кто там?

– Эдуард Олегович, вы дома?

– Аля? Вы?

– Где ж вы были весь вечер? Я стучала, стучала.

Несколько минут он мучительно раздумывал: что с ней делать? Потом невольно вздыхает и решается:

– Заходите, Аля.

– Ой! – вздрагивает она, очутившись в комнате.

– Что случилось?

– У вас лицо какое-то не такое. Словно светится.

– Да? Знаете, Аля, я счастлив сегодня. Удивительно счастлив.

– Полюбили кого?

– Да, полюбил. Эх, Аля, Алечка!

От избытка чувств он схватил ее в охапку, стиснул в руках так, что она застонала и – вот они, ее губы. Сладкие, пьяные, как переспелая вишня, так и брызжут соком. И уже закружило, завертело всего. Он словно провалился в бездонную яму, мял ее тело и проваливался в нее, почти теряя сознание.

А потом вдруг наступило просветление. Вероника – счастье, любить ее – счастье. А это совсем другое. Ну, *другое*.

– Эх, Алечка, Аля!

– Эдуард...

Она, похоже, не насытилась. Так и льнет к нему, обжигает, словно раскаленными угольями своими поцелуями. А ему словно опять двадцать лет. Сам себе удивляется: ну и накало!

Это была безумная ночь. Он чувствовал, что завтра сделает что-то особенное, чего никогда еще не делал. И был уверен, что ничего плохого не совершает, никого не предает. Наоборот, тяжелый дурной сон, в котором он пребывал до вчерашнего дня, вдруг прервался внезапно, и все, что про-

исходит, predeterminedено свыше, а значит, не может быть ни предательством, ни преступлением, ни воровством. Значит, так надо.

Гению дозволено все. А он завтра докажет, что Эдуард Листов – гений!

...На следующий день, рано утром

Он ждал Веронику в лесу, как и было условлено. После затяжных дождей и почти осенней прохлады погода установилась удивительно теплая, ровная. словно природа решила на великий обман: скрыть от людей, что всего через пару месяцев ни от пышной листвы, ни от ярких цветов ничего не останется, деревья станут голыми, поля пустыми, а ветер пронзительным и холодным. Но люди охотно в обман поверили и оделись по-летнему. Осень – это еще так далеко! Надо радоваться каждому теплomu дню!

Вероника пришла все с той же корзинкой, в голубом ситцевом сарафане и... не одна.

– Это Андрей, – представила она своего спутника Листову, слегка смущаясь. – Андрей, это художник Эдуард Олегович.

– Очень приятно.

Вот, значит как. Листов прищурился, разглядывая своего соперника. Так вот он какой, ее жених! Что ж, замечательный выбор, можно только похвалить ее мать, именно из таких, как этот Андрей, и получают верные мужья и замечательные отцы. Такие уж если полюбят, то на всю жизнь, не

на одну картину.

– Андрей, вы на весь день к нам или как?

– Как надо.

– Я могу дать вам честное слово, что ничего плохого не сделаю с вашей Вероникой.

Как он посмотрел! Удивленно?

– Плохого? Да она, если что почувствует плохое, сразу же уйдет. Я за нее не боюсь. Я просто так. Мама ее попросила.

– Что ж, сидите, если хотите. Смотрите, – с иронией сказал Листов.

Андрей без всяких комментариев сел под березкой на расстеленный прямо на траве пиджак. Листов все понял по одному только взгляду на парня: безумно любит свою Веронику. Будет всю жизнь сторожить ее, как цепной пес. Эдуард Олегович почувствовал вдруг непонятное ему самому раздражение. А то и злость. На кого? На Андрея? На его любовь? На то, что она сильнее, чем его собственная? Да кто и в чем ее измерял, силу любви? Любовь этого парня в лучшем случае даст девушке покой и относительное материальное благополучие, любовь же художника Листова даст ей бессмертие. Она должна понимать разницу.

Он усмехнулся: неужели это неизменная спутница любви – ревность дала о себе знать? Во всяком случае, присутствие Андрея Листову было неприятно. А тот вдруг еще и разговорился! Из вежливости, должно быть.

– Погода бы постояла... А? Как вы думаете?

– Что? – Листов раздраженно обернулся. Он еще здесь, этот Андрей? И со своими пустыми разговорами: о погоде, о природе, о видах на урожай. Не об искусстве же. Что парень в нем понимает?

– Помешал, простите... У меня отпуск со вчерашнего дня.

– Отпуск... Это замечательно... Отпуск... – пробормотал Эдуард Олегович, внезапно забыв обо всем. Даже о сидящем рядом сопернике.

Ах, как оно сразу пошло! Аж дух захватывает!словно волна накатила, подхватила и понесла, понесла! Он теперь высоко-высоко, смотрит на мир не откуда-то, с небес. И видит все до деталей, до мельчайших подробностей. Никто не видит и не чувствует того, что в этот миг видит и чувствует он, Эдуард Листов. Это и есть великое откровение...

– Пять часов уже рисуете. Не устали?

– Что? – Тут он заметил наконец жениха Вероники. Поймал его удивленный взгляд.

– Отдохнуть, говорю, не пора?

– Да-да, я вас утомил. Что ж, прервемся. Хотите, прервемся до завтра. Вы с Вероникой идите домой, а я дождусь заката.

– Заката?!

– Ничего, у меня бутерброды с собой и термос с чаем. Знаете, августовскими вечерами бывает такое небо... Дивное небо... Багровые закаты и облака, похожие на пенку с клубничного варенья. Как бы это все схватить...

Как она посмотрела, Вероника! За этот взгляд можно полжизни отдать, право слово! Листов усмехнулся: им, простым смертным, сейчас думается только об отдыхе и сне, а ему о закатах. Вот и случилось: он завоевал любовь Вероники. Женщины, они все равно будут любить ангелов, сошедших с небес на краткий век земной жизни, гораздо сильнее, чем простых смертных. Таких, к примеру, как этот Андрей. Да помани сейчас Эдуард Листов красавицу Веронику за собой, пойдет, не задумываясь, хоть на месяц, хоть и вовсе на один день. А ему сейчас ох как необходимо, чтобы Вероника смотрела вот такими влюбленными глазами, без этого ее портрет получится безжизненным, блеклым. Беда только в том, что ее любовь нужна художнику всего на одну картину. И не факт, что будет нужна потом...

...А ночью он с еще большей страстью целовал другую женщину и, кажется, почти любил ее, только тоже по-особому, на одну ночь, даже не на одну картину. Листов не хотел писать свою случайную любовницу, она была этого не достойна. Любовь эта не стоила ему ничего, да и ей ничего не стоила. Это *другое*. В нем словно живут два человека: художник Эдуард Листов и другой Листов, обычный человек, не чуждый маленьких земных радостей. И один другому ничуть не мешает, напротив, они вполне мирно сосуществуют — один радуется творческим удачам, другой наслаждается плотской любовью вполне земной женщины, Алевтины.

Эдуард Листов с интересом наблюдал перемены в себе.

Откуда взялся этот второй? Иначе говоря, Творец. Не было никогда у Листова какого-то особого таланта, и вот на тебе! Свершилось! Потому что он уверен, что утром проснется для другой великой любви и заставит весь мир заговорить о себе.

Почти месяц спустя

Эйфория вскоре прошла, но вдохновение осталось.словно красавица яхта, сорвавшаяся со старта стрелой, вдали от берега расправила паруса и полетела по волнам, едва их касаясь, гордая собой и беспощадная к своим соперникам. Теперь мазки Листова были уже не такие нервные, он писал не взмахом, как в первые дни, а не спеша, смакуя каждый глоток. Пришла уверенность в себе, Эдуард Олегович был теперь твердо убежден: он себя наконец нашел. Он сделал открытие, не оценить которое невозможно.

Как-то само собой получилось, что творческие идеи местного живописца Василия проникли и в Листова, в каждую клеточку, заполнили его до самых краев. Эдуард Олегович невольно стал считать эти идеи своими. Конечно, все это придумал он! Необычную манеру письма, чудесную технику разглаживания красок, так, что картины становились почти невесомыми. Василий делал это из экономии, ведь денег на краски жена ему не давала, Листов же мигом ухватил суть и теперь то же самое проделывал намеренно. Он даже не думал, что всего лишь стал копиистом, оригиналы лежат в объемной папке, с содержанием которой он то и дело сверялся.

И, черт возьми, у него получалось! Так же схватил он и редкую цветовую гамму, всевозможные оттенки красного. словно из пламени на свет рождались настоящие шедевры! Эдуард Листов ликовал. Теперь можно возвращаться в Москву, предстать перед критиками, перед сомневающимися. Что, съели? Думали, кончился Листов? Ан нет! Все только начинается!

Возвращаться? Ну да, возвращаться! В столицу, туда, где куется слава, к людям, чье мнение решает все. Ведь не всю свою жизнь, вернее, то, что ему осталось, гениальный художник Эдуард Олегович Листов собирает просидеть в этой дыре? Тем более что погода давно испортилась, теперь это уже настоящая осень. А осень для провинции – далеко не лучшее время. Дороги развозит, великолепные образчики провинциальной природы превращаются в отжившие свой век декорации. Скука, серость. А зимой и вовсе ни на миг не проходящая, занудливая тоска.

– Аля, я скоро уезжаю.

– Что ж... Оно понятно: у нас не столица.

– Я не могу тебя взять с собой, ты должна это понимать.

– Понимаю, что ж. Домработница, значит, не требуется.

– Я не такой богатый человек, как ты думаешь.

– А у меня ведь в Москве сестра родная живет. Замуж вышла за москвича, да пришлось развестись. Не заладилось у них. Но жить есть где. Могу быть к вам поближе, коли вы захотите. Годок-другой у сестры поживу.

Быстрый взгляд из-под длинных ресниц. Проверяет его, значит.

Эдуард Олегович представил, как возвращается в столицу с провинциальной любовницей. Засмеют! У Листова отвратительный вкус! Нашел себе деревенскую девку! А что скажет жена?!

– Так что, гражданин художник? Нанимаете меня?

– Аля!

– Да пошутила я. Не пойду я ни к кому в домработницы и в Москву не поеду. Любила я тебя, Эдик. Хоть и простая я баба, не столичная штучка какая-нибудь, но ты, дорогой мой, не обессудь. Как могла, так и любила.

Он отвел глаза.

– Аля, я денег тебе оставлю.

– Что ж. За это спасибо. А Василий как же?

– А что Василий?

– Вы же для него все эти полтора месяца, будто солнце были. Согрелся он.

– Я ничего не могу для него сделать, пойми. Ты поговори с ним. Потом, когда я уеду. Он, если захочет, может приехать в Москву, показать свои рисунки. Я поговорю с кем надо.

– Да никуда он не поедет! Вы что ж, Василия не знаете? Али его Наталью? Уезжайте уже. Растревожили только и меня, и его, – сердито сказала Алевтина.

– Я оставлю на всякий случай свой московский адрес. Если что...

– Жена-то тебя не бросит, коли я письмо напишу? – усмехнулась Алевтина ярким ртом, похожим на переспевшую вишню.

– У меня очень умная и понимающая жена.

– Образованная небось?

– Да. Образованная.

– Все у вас, образованных, не как у людей, – с досадой сказала она. – Ни любить не смеее всласть, ни ревности волю дать. Все прощаете друг друга, да вашим прощением, словно щами пустыми, досыта не наешься, оттого и взгляд голодный всю жизнь да тоскливый. Вот как у тебя, Эдик. Пожалела я тебя, но ты моей жалости не понял. Эх! Да не буду я вам жизнь портить, не беспокойтесь!

– Вот и умница, – пробормотал Листов.

Она молча стала собираться. Все было по взаимному согласию, он ей никаких обещаний не давал. Она умница, все понимает. Расставание будет безболезненным. И это хорошо. Ему еще предстоит борьба с критиками, которые далеко не сразу примут все то новое, что он везет в Москву.

...Картина почти закончена. После недели затяжных дождей вновь установилась хорошая погода. Должно быть, ненадолго, скоро ливни зарядят снова, и теплых, солнечных дней больше не жди.

Он пришел к Веронике попрощаться. К большому удивлению Эдуарда Олеговича, он ее застал в доме одну. Ни мамы, ни жениха не было.

– Андрей в смену, мама тоже на работе, – пояснила Вероника. – А у меня сегодня уже уроков нет. Может, в лес пойдём? Погода хорошая. Погуляем.

– Да. Можно пойти в лес. Я почти закончил картину. Вам нравится, Вероника?

– Немного странно. Не похоже на те портреты, которые я видела до сих пор. Но я не берусь судить...

– Вот и хорошо. Я выставлю ваш портрет в столице, в Манеже.

– В самом Манеже?! – Она взялась руками за вспыхнувшие щеки. – Ох, какой же вы... Знаменитый.

Листов невольно смутился. Все-таки задурил он девушке голову. А у нее скоро свадьба. По дороге на лесную опушку Вероника как-то невесело рассказывала о приготовлениях к свадьбе. Уж и заявление в загс подали, и список гостей составили. Времена трудные, но ничего. Мама всю жизнь ей на свадьбу копила, да и родители Андрея помогут.

– Эдуард Олегович, а вы не задержитесь до нашей свадьбы?

– Еще на месяц?! Нет, не могу, извините, Вероника. Я и так здесь долго живу. У меня в Москве дела. Извините, – повторил он.

– Я все понимаю, вам надо в столицу. Здесь у нас скучно, а скоро и вовсе будет неприглядно. Но мы ничего, привыкли. А вот вы вряд ли привыкнете.

– Я вас ничем не обидел? – испугался он.

– Нет, что вы. Все было просто замечательно!

– Но у вас лицо грустное. Почему?

– Скажите, Эдуард Олегович, ведь вы любите меня?

Он чуть не споткнулся. Какая она прямая и слишком уж откровенная! Или все провинциалы такие? А как же любовный флирт, древняя как мир игра, полувзгляды, полунамекы? Спросила в лоб: любишь или нет? И что на это ответить? Листов смешался.

– Почему вы молчите? – Вероника остановилась и посмотрела на него в упор.

– Откуда вы знаете, что люблю? – Он не сказал ни да, ни нет. Пусть сама решает.

– Чтобы написать такой портрет, надо любить. Ведь так?

Да она, оказывается, все поняла! Не поняла только, что любовь бывает и такая: на одну картину. Или не знает этого? Ну что теперь делать? Что?! Разбить ей сердце? А хватит ли сил? Листов заколебался.

– Да, я люблю вас, Вероника. Но я не могу вполне объяснить своих чувств, не могу сказать правду...

– Правду о том, что вы не можете жениться на мне? Да я ничего и не прошу. И никогда не попрошу. Не бойтесь, что я могу чего-то попросить. Я даю вам самое честное, пречестное слово.

– Вероника...

– Поцелуйте меня.

Он не мог ей отказать. Она, кажется, давно на это реши-

лась. Он уезжает, а она остается. Больше они не увидятся никогда. Вряд ли в ее жизни будут еще такие яркие события: приезд столичного художника, который напишет необычный портрет, призрак славы, появившийся на горизонте и внезапно исчезнувший. Она, возможно, так и не узнает, какой фурор произвел ее портрет, не узнает, как она на короткое время стала музой всей столичной богемы. И она хочет урвать хоть маленький кусочек этой славы. Чтобы говорить своим детям, а потом и внукам: «Когда-то меня любил гений, который написал мой портрет. Об этом даже есть в энциклопедии».

– Я тоже вас люблю. Что же вы остановились?

– Зачем ты это делаешь, Вероника?

– Я хочу помнить... Всегда, всю жизнь... Если вы меня не полюбите по-настоящему, я буду потом жалеть. Я хочу, чтобы вы у меня были первым, понимаете?

Как он ругал себя потом, что не устоял! Потому что все случившееся было для него позором. Он выпил до дна свою Веронику и оставил ее совершенно обессиленной и пустой. Ведь он ее уже не любил. Все его мысли были далеко отсюда, в столице, где его ждала слава. Эдуард Листов запрещал себе думать об этом дне, навсегда вычеркнув его из своей долгой, богатой событиями жизни. Надо отдать должное и Веронике: она сдержала слово и никогда ему об этом не напоминала. Он долго не знал, как сложилась ее судьба, простил ли ее Андрей, вышла ли она замуж.

Домой они возвращались молча. Листов понял, что должен уехать как можно скорее. Не просто уехать, а убежать. Никогда больше он не сможет посмотреть в глаза своей музе.

– До свидания, Эдуард Олегович, – холодно сказала она, остановившись у калитки. – А лучше сказать, прощайте.

– Про... – хлопнула дверь.

«Я негодяй», – подумал Листов и, перекинув через плечо белоснежное кашне, насвистывая, пошел вниз по улице. Он знал, что угрызения совести покинут его, едва тронется поезд.

Отъезд

– Грибочки-то, грибочки не забудьте, Эдуард Олегович! Хоть и недолгая, а все ж память! – суетилась Алевтина, засовывая ему в сумку банку с маринованными белыми грибами. – Жене кланяйтесь, пусть она не сердится на нас. За то, что гостинцы скромные. Угождали как могли.

Ох уж эта Алевтина! Он мечтал, чтобы скорее закончилась посадка и проводник попросил провожающих выйти из вагона. А ведь говорил ей:

– Может, не надо тебе, Аля, на вокзал со мной ходить?

– Да весь город и так знает! – отмахнулась она. – Не беспокойтесь, мы в столицу не ездим, а коли доводится, то больше по магазинам, не по музеям. Никто не узнает, что вас любовница на вокзал провожала. А меня удовольствия не лишайте, Эдуард Олегович!

– Опять ты по отчеству! И на «вы»!

– Так ведь жизнь у нас новая начинается, Эдуард Олегович! Вы, значит, одной дорогой пойдете, я другой. Вы к жене образованной возвращаетесь, а я к своим грядкам. Огород пора под зиму пахать. Жизнь, она продолжается. Что погостили у нас, спасибо огромное, что вниманием не обошли, хоть и столичная знаменитость, опять же спасибо.

– Аля, ну зачем ты так!

– Пора уже! Заходите в вагон!

– Погоди...

Листов испытывал огромное облегчение оттого, что сегодня последний день его пребывания в этом городе. Загостился он. Жена уже закидала телеграммами: «Когда приедешь?»

Он заметил, как у соседнего вагона топчется Василий. Ближе подойти не решается, не хочет показаться навязчивым. В руках у местного живописца огромная папка. Наверное, новые рисунки.

– Василий! – окликнул его Эдуард Листов. – Что ж ты не подойдешь попрощаться?

Тот с сияющим лицом пошел, нет, побежал к столичной знаменитости.

– Что это у тебя? – Он кивнул на папку. – Очередные шедевры?

Листов сказал это без иронии, но Василий смешался.

– Может, покажете там, в столице, кому, – замялся он. – Но ежели не возьмете, я не обижусь.

– Давай, – улыбнулся Листов, забирая папку. – Я покажу.

– А если сразу скажут, что плохо, так вы уж вовсе про меня забудьте. Ничего, переживем как-нибудь. Наталья-то мне место нашла. Кочегаром в котельной. И платят больше, чем сторожу. Хорошее место, я уж и согласие дал.

– Кочегаром? Да, наверное, так будет лучше. До свидания, Василий... э-э-э... – Надо же узнать наконец его отчество! И фамилию забыл спросить. Нет, поздно, все поздно. Да и ни к чему теперь.

Он уже хотел зайти в вагон, как Алевтина схватила за руку:

– Глянь-ка! Пришла!

Листов заметил в толпе провожающих Веронику. Она стояла с безучастным лицом, вроде бы здесь случайно. Откуда она узнала, что именно в этот день он уезжает? Да какая разница? Главное, что пришла! Ее Листов окликнуть не решился, смотрел издалека. Да и она не подходила. Между ними все уже сказано. Он почувствовал досаду. Скорей бы уже дали отправление!

– Эдуард Олегович? – дернула его за полу пиджака Алевтина.

– А? Что еще? – Кажется, стрелочник дал отмашку. Проводники засуетились.

– Фотографию, что ли, на память какую дайте.

Он машинально полез в бумажник и достал оттуда небольшую черно-белую фотографию. Нелли снимала на даче, она же сунула зачем-то карточку ему в бумажник. И пошутила

при этом: «Любимой женщине подаришь, когда попросит. Удачно получился». И в самом деле удачно. Художник Эдуард Листов курит, сидя в гамаке, на голове у него светлая шляпа, а в глазах задумчивость и печаль.

Листов встряхнулся: ах, Нелли, Нелли, какая же ты умная женщина! Как я по тебе соскучился! А это все... Он с недоумением посмотрел на Алевтину, потом на Веронику. Как-то это все... мелко. Мелко и пошло. Прямо затмение нашло! Нет, не затмение, а вдохновение, которое в миг все преобразило. А теперь прошло.

Алевтина проворно выхватила из его руки фотографию:

– Спасибоочки!

– Граждане пассажиры! До отправления поезда осталось пять минут! Просьба к провожающим покинуть вагоны! Граждане пассажиры...

– Ну, вот и все. Аля, прощай! Василий, всего хорошего тебе и удачи!

– И вам того же, Эдуард Олегович!

Он с явным облегчением стал подниматься в вагон. Хорошо, целоваться не полезли! Проводница посторонилась, пропуская его, бросила кокетливый взгляд. И вдруг ему до смерти захотелось курить. Пять минут осталось. Не сидеть же в купе? Еще насидится, дорога дальняя.

Алевтина с Василием не уходили, терпеливо ждали отправления поезда. Вероника тоже стояла на перроне. Листов курил, глядя свысока на провинциальный городишко, в ко-

тором пару мгновений был действительно счастлив.

– Прощай, Вероника! – еле слышно сказал он.

Окурок полетел на перрон. Проводница неторопливо принялась закрывать дверь. Он прошел в вагон и остановился у окна. Поезд тронулся, в прошлое медленно уплыли они все: Алевтина, Василий, Вероника, Андрей... Листов впервые его заметил, должно быть, он только что пришел, а теперь уводит с перрона Веронику. Помирятся, куда они денутся. Любовь прощает все.

В купе номер пять его ждала хорошенькая блондинка. Она улыбнулась сначала настороженно, потом, рассмотрев его, с ожиданием. Спросила:

– Что это была за станция? Как же долго мы здесь стояли! Вы, кстати, не похожи на местного жителя. Одеты постоличному.

– Нет, я не местный. Художник из Москвы, жил два месяца у знакомых, писал этюды. Осень в провинции изумительна. Знаете, и Пушкин в тиши и уединении творил. Вдохновение, оно любит тихие уголки и жизнь на природе.

– Надо же! Как интересно!

Глаза у блондинки синие-синие. Она неторопливо стала рассказывать о себе: тоже теперь москвичка, ездила проводить больную маму, муж большой начальник, сын под приглядом у свекрови, пока сама в отъезде. Так что, снова любовь? Любовь на одну картину...

Листов улыбнулся:

– Знаете, мне бы очень хотелось написать ваш портрет...

Год спустя

– Эдик, тебе письмо! Надо же, от какой-то Алевтины Кирсановой! Постой, так это же из провинции, где ты в прошлом году написал свой знаменитый портрет в розовых тонах!

– Не представляю, о чем может писать эта Алевтина?

– Не знаю, не знаю, тебе видней.

– Нелли, ты что, ревнуешь?!

– Нет, милый, не ревную. Сегодня Аля, завтра Валя, послезавтра Галя. Как всякий художник, ты быстро ими увлекаешься, но так же быстро и остываешь. Это все переменные величины, а я для тебя величина постоянная.

– Умница ты моя!

Он нехотя распечатал письмо.

«Уважаемый Эдуард Олегович!

Никогда бы я не решилась вас побеспокоить, если бы не проблемы, так сказать, материального характера. Читали мы недавно в газетах, да и по телевизору показывали, что будто бы вам дали премию большую да послали за границу, аж в самый Париж! На выставку с вашими картинами. Я в искусстве мало что смыслю, но Василий мне все разъяснил, и мы за вас очень рады, а как рад Василий, так и не описать!

Сообщаю вам, что десятого мая сего года у вас родилась дочь Мария. По фамилии она записана как Кирсанова, а уж по отчеству, не обессудьте, Эдуардовной. Так и получается, значит: Кирсанова Мария Эдуардовна, о чем вам с удовле-

творением и сообщаем. Поскольку я женщина по-прежнему незамужняя и являюсь по закону матерью-одиночкой, то государство платит мне пособие. Но одной ребенка растить все равно тяжело, потому если со своей большой премии пошлете нам немножко денег, то будем вам очень признательны.

Василий передает вам привет, работает он кочегаром в котельной, да беда такая: стал много пить. Живопись свою забросил, поскольку весточки от вас так и не получил. Значит, как человек искусства он ничего не стоит, а посему и жизнь его можно считать на этом конченой.

Но вы в голову не берите, ежели не сочтете возможным написать ответ, так оно и ладно. И деньги ваши не сказать, чтобы мы не обошлись без них, но все одно, если уж будут, то кстати.

Если вам интересно узнать об одной вашей знакомой, вроде бы вы вместе в лесу гуляли, то могу добавить, что в оговоренный срок состоялась у них свадьба, все чин по чину. Свадьба была громкая, меня не приглашали, но от приятельницы своей знаю, что все там хорошо. Значит, беды никакой не приключилось, а, напротив, у них большая радость, так как знакомая ваша тоже родила. И тоже дочку. Все у них слава богу. Живут не хуже других.

Остаемся с большим уважением к вам,

Алевтина Кирсанова и ваша дочь

Кирсанова Мария Эдуардовна»

– Нелли, я тебе изменил.

– О господи, я думала, что-то случилось! У тебя такое несчастное лицо!

– Нелли, я изменил тебе!

– Когда в последний раз?

– Я не о последнем разе, то есть ты не поняла. Тогда, в провинции, изменил.

– Женщина с портрета? Твоя первая большая удача?

– Не о ней сейчас. У меня родился ребенок. Девочка.

– И... что теперь?

– Ничего, – сказал он с досадой. – Она просит денег. Ее мать. То есть не настаивает, но говорит, что было бы неплохо, если бы я помогал им материально.

– Дети, Эдуард, это серьезно. На твоём месте я бы не стала ей отказывать. Тем более что ты с уверенностью можешь сказать о том, что это именно твоя дочь.

– А чья же еще?

– Ты хорошо знаешь эту женщину?

– Это было... Впрочем, неважно. Это моя дочь!

– Тогда пошли ей денег.

– Хорошо. Вот сказал тебе, и мне стало легче. Хорошо, что ты у меня есть!

...девять лет прошло

– Эдик, какая странная посылка! Домработница только что с почты принесла. Адрес, однако, знакомый: из провинции, куда ты регулярно посылаешь деньги. То есть я по твоей просьбе отправляю туда перевод. Это в знак благодарности,

что ли?

– Посылка?

– Ну-ка посмотрим, что здесь? Надо же! Грибы, варенье!
И... рисунки, Эдик! Записка. Ну-ка, ну-ка... Можно?

– Да, читай. О моей дочери ты все знаешь, а нового ничего не случилось. Надеюсь.

Жена принялась читать вслух:

«Многоуважаемый Эдуард Олегович!

Очень благодарны мы с Марусенькой за помощь, которую вы нам постоянно оказываете! Ни в чем мы не нуждаемся, все у нас есть, и даже сверх того. Не многие так-то нынче живут. Сообщаю, уважаемый Эдуард Олегович, что дочь ваша Мария проявляет удивительные способности к рисованию. Едва только говорить научилась, как тут же попросила краски. И с тех пор изводит их в немыслимом количестве, а что касается школы, где Марусенька учится, так во всех коридорах одни ее рисунки. Посылаю вам некоторые из оных на ваше художественное рассмотрение.

Остаюсь с огромным уважением

Алевтина Кирсанова»

– Эдик, сколько ей уже лет? Твоей дочери?

– Лет десять, должно быть. Или около того.

– Нет, ты посмотри, посмотри!

– Да?

– А неплохо. Очень неплохо... Неужели не видишь?

– Возможно, что неплохо. И?..

– Вот теперь верю, что это твоя дочь! Ты должен ей помогать!

– Я и помогаю.

– Ты должен, когда придет время, оказать ей протекцию. Ей надо в художественное училище, с такими-то способностями!

– Нелли! У меня сын, два внука...

– И ни один из них не проявляет склонностей к живописи. То есть мы пытались, но толку-то? Нет в твоём сыне и внуках божьей искры. А какая-то девчонка из провинции... Нет, в самом деле обидно! Если хочешь, я узнаю мнение Веригина.

– Не стоит. Рано еще.

– Ну, как хочешь. Подождем.

...и еще девять лет прошло

«Глубокоуважаемый Эдуард Олегович!

Все эти годы вы не оставляли нас с Марией своей материальной помощью, за что по-прежнему вам признательна. Но отсутствие твердой отцовской руки не могло не сказаться на воспитании нашего с вами совместного ребенка. Дочь ваша Мария доставляет мне великое множество проблем. Уж минуло ей восемнадцать, а заниматься ничем не хочет. По-прежнему малюет свои картинки да бегаёт на танцульки. А что одни мальчишки у неё в голове, так это для всего города не секрет.

Учиться Маруся не хочет, поступала после десятого класса в веттехникум, да завалила экзамены. Неспособная Ма-

руся к учебе, вот ведь как оно выходит. Конечно, благодаря вам в деньгах мы по-прежнему не нуждаемся, да и высылаете вы много. И то сказать: в это смутное время остается только удивляться, как успешно пошли ваши дела. По телевидению частенько говорят, как вы признаны во всяких там заграницах и сколько денег и какие дома вы имеете. И сколько всякие там иностранцы плотят за ваши картины. Это ведь с ума можно свихнуться! Я, конечно, со всем к вам уважением, а вовсе не со зла. Упаси боже! Очень мы рады за вас, глубоко-уважаемый Эдуард Олегович!

И это я не к тому, что нам с Марусей денег мало. Не посоветуете ли вы, куда пристроить нашу с вами дочь, и не пора ли вам проявить всю мудрость отцовского воспитания?

Остаюсь с неизменным уважением к вам, Алевтина Кирсанова. Спаси вас Господь!

Рисунки Марусины высылаю бандеролью, помнутся немного, да невелика потеря. Этого добра дома только и есть от Маруси польза. Да и с той денег нет».

– Ну, что скажете, Эраст Валентинович?

– Недурственно, весьма недурственно, уважаемая Нелли Робертовна. Сколько, вы говорите, лет этой вашей... ммм... Марии Кирсановой?

– Восемнадцать. Она, кажется, в мае родилась. Значит, скоро будет девятнадцать.

– Что ж. Недурственно.

– А есть у этой девушки, скажем, какой-то особый талант?

– Что значит, особый, дорогая Нелли Робертовна?

– Ну, скажем, как у ее отца, Эдуарда Листова? Не напоминает ли вам это его манеру, стиль?

– Как? Эдуард ее отец?!

– Видите ли, это давняя история... В общем, все началось с того портрета в розовых тонах. Я подозреваю, что на портрете мать девушки, хотя Эдуард упорно не желает об этом говорить. Ему скоро семьдесят, и скажу вам прямо, Эраст Валентинович, что его рассудок...

– Значит, Мария Кирсанова – дочь Эдуарда Листова?! Ну, тогда это все меняет.

– Меняет? Почему, собственно, меняет?

– Видите ли, если бы это была другая девушка, не дочь великого художника... Словом, как просто Марии Кирсановой ей одна цена, а как дочери Эдуарда Листова совсем другая. Ведь когда великий талант уходит, хочется какой-то преемственности. В данном случае преемственности поколений. И перед дочерью Эдуарда Листова, которая столь талантлива, открыты все двери. У девушки этой великое будущее, если, конечно, отец официально ее признает. Или хотя бы не будет отрицать... Что вы сказали насчет рассудка уважаемого Эдуарда Олеговича?

– Мне даже неловко об этом говорить... Словом, он со мной разводится.

– Вот как? И что это? Другая женщина?

– У него от картины к картине другие женщины. Последнее время его знаменитая красная гамма сгустилась совсем уж до какой-то черноты. Я уверена, что это влияние его последней пассии. А ведь он уже болен...

– Ах, ах, ах! Надо бы с ним поговорить...

– Послушай, Эдуард, Нелли Робертовна мне вчера сказала...

– Погоди. Что ты думаешь об этом?

– Это? Замечательные, талантливые рисунки! Очень похоже на тебя двадцатилетней давности по манере письма. Сколько света, сколько экспрессии!

– Эта девушка в самом деле талантлива?

– Талантлива ли она? Да у нее большое будущее! Великое будущее! Поверь, я в этом деле кое-чего понимаю. Это твоя ученица?

– Дочь.

– Поздравляю.

– Я теперь все чаще и чаще возвращаюсь мыслями в ту осень, в маленький провинциальный городок... Вроде бы неплохо я прожил свою жизнь, Эраст...

– Что-о?! Неплохо?! Эдуард, не гневи бога!

– Понимаешь, дети. Вот что меня тревожит! Сын – бездарность, внуки бездари. Эдик меня просто раздражает. Внук. Сынок удружил: назвал этого негодяя в мою честь! Как же, первенец! Бездельник, картежник, развратник! И вот эта

девочка, словно луч света. Не зря, выходит, я туда поехал тогда. Я умру, а она будет картины писать. Дочь Эдуарда Листова. Имя мое не умрет хотя бы...

– Оно и так не умрет. Не скромничай.

– Знаешь, я развожусь с Нелли.

– Вот об этом я и хотел поговорить. А стоит ли? Скажи прямо, как старому другу: у тебя появилась другая женщина?

– В моем возрасте – женщина? Так, пустячок. Последняя вспышка страсти, все еще хочу доказать кому-то, что я не старик. Кстати, о старости: собираюсь привести в порядок дела перед смертью. Не спорь, Эраст, я человек пожилой. Чувствую, что смерть рядом. Хочу сделать соответствующие распоряжения. Пусть завещание мое для кого-то окажется ударом, но я принял решение. Приглашаю тебя на следующей неделе, во вторник, присутствовать на официальном подписании у нотариуса. Я хочу, чтобы как друг семьи ты был в курсе. И умоляю: не оставляй Марусю после моей смерти. Вот ведь какая бестолковая женщина эта Алевтина! Сколько раз просил прислать мне фотографию Маруси, а она шлет одни рисунки! А так хочется знать, какая она, моя дочь. Похожа ли на меня?

– Она картины пишет, похожие на твои, – этого более чем достаточно.

– Хотелось бы съездить туда перед смертью, в тот маленький провинциальный городок. А знаешь, я там был удиви-

тельно счастлив! Теперь я это понял. Лучшие дни в моей жизни. Перед смертью только и начинаешь ценить... Ска- зочная, волшебная осень! Напрасно я гнал от себя эти вос- поминания...

– Та женщина на портрете, это она? Большая любовь, с которой все началось?

– Что? Да, она. Большая любовь... Прошу: не оставляй Марусю.

– Уж будь спокоен: ее теперь заметят! Это же твоя дочь!

– Да, я хотел официально признать ее своей дочерью. И документ заверить у нотариуса.

– Очень хорошо.

– Давно надо было это сделать. Успеть бы повидаться. Да- а-а... Успеть бы... Плохо я себя чувствую. В груди давит, сердце все ноет и ноет...

«... с прискорбием сообщаем, что наше искусство понесло тяжелую утрату. На семьдесят первом году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался великий рус- ский художник Эдуард Листов. Он был не только великим художником, но и великим Человеком, Человеком с большой буквы, много занимался благотворительностью, помогал мо- лодым талантам. Вклад Листова в искусство просто огромен. Его знаменитые картины, такие как...»

– Маруся!

– Чего?

– Иди скорее сюда, Маруся! Гляди, что по телевизору-то

показывают!

– Некогда!

– Папаша твой помер, а тебе, вишь, некогда!

– Ну, чего еще?

– Отец, говорю, умер.

– Невелика потеря!

– Типун тебе на язык! Сколько он тебе денег посылал! Ты посмотри, что на тебе надето? Это что? А это? Деньги-то на все откуда? А?

– Отстань, мать! Ну, умер. И что теперь?

– В Москву тебе надо ехать.

– Еще чего! Мне и здесь неплохо!

– А я тебе говорю, что надо. Может, денег каких получишь. Ты знаешь, сколько у него было деньжищ? Миллионы! Нам от его родни милости не дожидаться. Самой надо поехать и взять!

– У меня, может, больше денег будет! Без его наследства обойдусь!

– Вот дура-то, а? Мать всю жизнь в люди старается ее вывести, а эта дуреха себе на уме! Ну, кто ты такая? Кто?

– Я Мария Кирсанова. У меня талант.

– Дурь у тебя в голове, а не талант. Кабы не знали все, что папаша твой великий художник...

– Я сама по себе, запомни. Я Мария Кирсанова, и наплевать мне на всех!

Телеграмма

«...Кирсановой Марии Эдуардовне Срочно приезжайте
подать заявление вступлении права наследства Упомянуты
завещании Сообщите телеграммой когда встречать

Нелли Робертовна Листова»

– Кто такая эта Нелли Робертовна? А, ма?

– Жена, стало быть. То есть теперь уж вдова.

– Это мне с ней надо делиться?

– Маруся! Может, он тебе всего-навсего рухлядь какую
завещал? Комод да три платья. У него законные наследники
имеются: жена, сынок да внуки. А ты сразу: делиться!

– Мам, я сегодня же возьму билет и отобью телеграмму.
Одна поеду, ты не суйся. Справимся. И деньги мне его не
нужны, просто посмотреть охота на всю эту семейку. Весело
же. Ха! Художник!

– Другая бы счастлива была, что в жизни так повезло! Ну
и наградил бог дочкой! И в кого ты такая взбалмошная?

– Надо было думать, от кого рожать.

– Машка! Да как ты...

– Отвяжись! Я на вокзал поехала! Чао!

Телеграмма

«Прибываю двадцать второго июня Казанский вокзал
шесть ноль две вагон пятый купе пятое встречать не надо

Мария Кирсанова»

Э. Листов «Женщина с корзиной грибов», портрет в розовых тонах, холст, масло

Нелли Робертовна провела в этой комнате не один час,

разглядывая портрет. Ее муж категорически запрещал продавать именно эту картину. Эдуарда больше нет в живых, портрет, как и все прочее его имущество, должен перейти к кому-то из наследников. Теперь шедевр можно выставить и на аукционе, разумеется, с разрешения оного. Сколько за него могут дать?

Очень и очень много. Последняя картина Листова ушла за пятьдесят тысяч евро, но тогда он был еще жив. А после смерти художника цена на его творения взлетает до небес. Так сколько же? Пятьдесят тысяч? Сто? А может, миллион? Все зависит от прессы, о Листове последнее время писали много и охотно. Скандал с незаконнорожденной дочерью, которую художник признал перед самой смертью, только на пользу. Коллекционеры не поспеют, если будет оглушительный пиар.

Но это решать наследнику: продавать или не продавать портрет. Она, Нелли Робертовна Листова, не имеет на картину никаких прав. Но именно она, несмотря на возможность выручить солидную сумму, никогда не стала бы продавать портрет в розовых тонах. Потому что это лучшая картина Эдуарда Листова, несмотря на его последующий оглушительный успех, пейзажи, проданные за огромные деньги, восторги критиков, хвалебные статьи в прессе. Все началось с этого портрета, и выше Эдуард Листов так и не поднялся. Увы!

Нелли Робертовна никогда и никому об этом не говорила,

только себе, оставаясь наедине со своими мыслями. Она до сих пор понять не могла, что же тогда произошло там, в провинции? Что это было? Озарение? А потом что случилось с Листовым?

Судьба этой гениальной картины не ясна. Так что же? Неужели ей предстоит осесть в частной коллекции, стать банальным вложением капитала?

«Прибываю двадцать второго июня...» Какая ты, Мария Кирсанова?

Красный

Отъезд

...– Грибочки-то, грибочки солененькие не забудь, Марусенька! Ба! А яблоки моченые? Не положили ведь!

– Да не суйся ты со своими банками, мам! Нужны они мне? В Москву еду!

– Родне гостинец передашь. Не с пустыми ж руками ехать?

– Обойдутся. Пока, мам, как приеду, отобью телеграмму.

– Ты мне лучше позвони, Марусенька. А ежели какие сомнения будут, я приеду.

– Это еще зачем?! Сиди здесь. Все, что могла, ты уже сделала. Ну, пока. Не надо, не ходи за мной в вагон... Ма! Я же сказала: не ходи! Господи, и этот здесь! Вовка! Ты зачем на вокзал притащился? Вот олух царя небесного! Не хватало еще, чтобы все мои парни меня провожать пришли! Пока со всеми расцелуешься – жизнь пройдет!

Это шоу с интересом наблюдали все пришедшие в тот июньский день на железнодорожный вокзал: Мария Кирсанова уезжает в столицу, по слухам, за огромным наследством. Эту девушку знал весь город, настолько она была яркая, заметная. Одевалась всегда броско, еще учась в школе, красила волосы в какие-то немыслимые, феерические цвета, чем до смерти раздражала учителей, и вообще «была неуправляемой». Говорила Маруся всегда громко и нарочи-

то грубовато. Все были в курсе ее авантюрных выходов, за ней бегали самые завидные женихи, из-за нее частенько случались драки на ночных дискотеках. Вслед девушке, покрыв пальцем у виска, говорили многозначительно: «Что делаешь, дочь художника!»

Вызвавший Марусино недовольство высоченный веснушчатый Вовка даже не решился подойти к пятому вагону, стоял поодаль, смотрел с тоской, как его любовь уезжает покрывать столицу. Сердце подсказывало несчастному Вовке, что плакала его мечта жениться на Марусе, перевезти ее к себе вместе с мольбертом, красками и холстами. «А потом дети пойдут, – мечтательно думал Вовка, – и она успокоится. Зато с ней никогда не будет скучно». И в этом он был на сто процентов прав.

Рано или поздно это должно было произойти: маленький провинциальный городок стал для Марии Кирсановой больно уж мелковат. Вовка молча страдал, глядя, как его красавица торопится отбыть в столицу. Молоденький проводник то и дело косился на нее, на ее стройные, обтянутые узкими джинсами ножки, на упругую попку и, видимо, прикидывал, как бы завязать знакомство. А там и дорога не покажется такой уж утомительной. Девка разбитная, сразу видать.

В это время у соседнего вагона строгая, неброско одетая женщина лет сорока пыталась отговорить дочь от поездки: – Майя, может, не стоит больше пытаться поступить в театральное училище? Третий год подряд, и все никак не успо-

коишься! Ну не для простых людей это, сама должна понимать. Там дети режиссеров, тех же актеров, лауреаты всякие. Конкурс толстых кошельков, а у нас, как ты знаешь, ничего нет. Почему тебе обязательно надо стать актрисой?

– Мама! Я все уже решила!

– Подумай, как следует. Лично я считаю, что это просто блажь.

– Мама!

Девушке хотелось только одного: поскорее сесть в вагон. Если мать называет ее Майей, значит, сердится. Когда она добрая, зовет по-домашнему: Марусей. А красивое имя дал отец, Андрей Ильич. Он тоже отговаривал ее ехать в столицу. Да, все они правы: шансов поступить в театральное училище так же, как и в прошлый раз, никаких. Но отчего же ее каждый год снова тянет в Москву, попробовать пройти творческий конкурс хотя бы в третий тур? В прошлом году добралась до второго. Как знать, может, каждый год, прибавляя по туру, она и пробьется? Или, что скорее всего, состарится. Откуда такое упрямство?

– Что ты заладила, «мама» да «мама»? Я от тебя совсем других слов жду, Майя.

– Мама, возвращайся, пожалуйста, в деревню, к папе, к братьям. И за меня не беспокойся. Я уже взрослая.

– Взрослая! А упрямство, как у маленького ребенка! Хотя бы обещаю, что каждый день будешь мне звонить!

– Роуминг дорогой, я лучше эсэмэс отобью.

– Майя, я не умею набивать эсэмэски, ты знаешь. Только читать.

– Вот и замечательно!

– Первым делом сообщи, как устроилась, как с гостиницей. Если нет мест, не пытайся найти квартиру в частном секторе. В такси к частникам не садись.

– Мама, я забронировала место в гостинице. Не в первый же раз, не беспокойся. Если напишу, то не сразу.

– Хотя бы как доехала...

– Да что со мной будет? Что я – маленькая девочка?!

– Ох, Маруся! Ты меня до сердечного приступа доведешь! Какая же ты упрямая!

– Мама, все будет хорошо. Через месяц я вернусь.

– Вот. Ты даже сама не веришь, что поступишь. Я сколько раз тебе твердила: поступай в областной педагогический институт. Все равно ведь работаешь в школе секретарем, и тебе там нравится.

– Все, мама, поезд сейчас отправится. Не отговаривай меня от моей мечты. Я весь год деньги копила.

– Ну и купила бы себе хорошую, дорогую вещь...

– Ничего не хочу. В Москву хочу. Все. Пока. Целую. Позвоню обязательно!

– Через неделю! Майя? Ты слышишь? Через неделю! И эсэмэс обязательно отбей!

– Конечно!

Вот и все. Молоденький проводник и пергидрольная, по-

битая жизнью проводница неторопливо стали закрывать двери вагонов, пятого и шестого. Две женщины, оставшиеся на перроне, промокнули платочками влажные глаза. Уплыли вдаль и пятый вагон, и шестой...

– Добрый день, Вероника Юрьевна.

– Здравствуйте, Алевтина.

– Али провожаете кого?

– Дочь. В Москву поехала, в институт поступать.

– Вот и моя туда же, в Москву. Слышали, поди, что Эдуард Олегович скончался?

– Какой Эдуард Олегович?

– Да полно! Художник столичный, знаменитость!

– Я в столице никого не знаю, – холодно сказала завуч школы номер два, Вероника Юрьевна.

– Ой ли? А мне показалось...

– Послушайте, вы все время делаете мне какие-то намеки. Я и так целых десять лет непонятно по каким причинам протезировала вашу дочь, уговаривала учителей, чтобы завышали ей оценки. Если бы не я, она бы вообще школу не окончила!

– А причины всем понятные: ведь это *его* дочь. За то, что помогли ей, спасибочки. А художник Листов недавно умер. Можете успокоиться.

– Да с чего мне волноваться?!

– А что вы так вскинулись? Ба! И лицо вон покраснело. Разволновались. Видать, не прошла любовь, а?

– Всего хорошего.

– Не хотите, значит, об этом говорить? А жаль... С кем, как не со мной? Посидели бы, поплакали, водочки выпили. На помин души.

– Я водку не пью.

– Ну, как знаете. До свиданья и вам, Вероника Юрьевна!

И женщины разошлись в разные стороны.

Ночь в поезде

– Эй, гарсон, ту ти ту-ту-ту.

– Не понял?

– Два чая, говорю, в двести двадцать второй. Не слышал такой анекдот? Все равно тащи мне два стакана в пятое купе.

– А анекдот расскажете? Тогда я мигом!

– Обойдешься.

Она знала: чай проводник все равно принесет. И пулей. А потом будет ломиться, то за пустым стаканом, то: не надо ли вам, девушка, чистое полотенчко? Не родился еще на свете мужчина, способный хоть в чем-то отказать Марии Кирсановой. У нее просто бездна обаяния, хоть она грубова-та и чересчур уж откровенна, всегда называет вещи своими именами, но зато и им так проще, мужчинам. Она никогда не усложняет отношения с ними. Я чертовски привлекательна, вы чертовски привлекательны, так чего зря время терять? Эх! Где они, мужчины? В родном городе одни только пьяницы да домоседы. Никто не понимает мятущуюся творческую душу Марии Кирсановой. А она, черт возьми, художник!

Взять Вовку. Да, из него получится замечательный муж и отец. Будет каждый год делать ей по ребенку, пока не наберется ясельная группа. И ходи всю жизнь, сопли детям утирай. А как же творчество?

Марии Кирсановой страсть как хотелось ввязаться в какую-нибудь авантюру. Истосковалась она по настоящим приключениям. Родной город, нет, не город, а городишко, надоел до чертиков. Сплошное болото. И люди скучные. Интересно, какая она, московская родня?

Черт! Кто там ломится в купе? И почему все остальные места свободны?

– Можно?

– Ну, что, гарсон? Принес мне свое пойло?

– Я вам лучшего чаю заварил, из своих запасов. Обидно, девушка, что вы меня называете гарсон какой-то.

– Ну, закудахтал! Прямо как моя мамаша! Кстати, вагон-ресторан в вашем суперэкспрессе имеется? Бутылочка пивка мне бы не помешала.

– Я вам принесу!

– А как насчет ресторанной наценки?

– Могу угостить за свой счет.

– Только не думай, что за бутылку пива я буду всю ночь терпеть твоё общество. Не в этой жизни. Шутка. Кстати, почему в моем купе никого нет? Ты, что ли, подсуетился?

– На другой станции, наверное, сядут.

– А такая будет? Черт! Забыла, что это не суперэкспресс и, на сто процентов, тормозит у каждого фонарного столба. Ладно, двенадцать часов не вечность, да и ты не Аллен Делон. Можешь зайти на бутылочку принесенного тобой пива. Но не больше! Спать я с тобой не буду. Забудь об этом.

«Какая ни есть, все ж компания», – вздохнула она и зевнула. Двенадцать часов, конечно, не вечность, но надо их как-то прожить. И хорошо бы весело. Жизнь так коротка, что нельзя терять ни минуты. Мария Кирсанова предпочитает проводить время исключительно в мужском обществе. Именно в ее вагоне проводником оказался молодой симпатичный парень. Видать, судьба такая. Надо пользоваться.

Она еще раз зевнула. Впереди Москва, разборки с папиной родней, наверняка до денег жадной. Интересно, сколько завещано единственной доченьке? Ну, ничего! Она бросит камень в это стоячее болото, в семейку художника! И все жабы попрыгают на берег. А там уж Мария Кирсанова раздавит их каблуком своей модной туфельки. Не из-за денег, нет. Просто жить надо весело!

...Он стоял на перроне и то и дело поглядывал на часы, а на него, в свою очередь, поглядывали проходящие мимо девушки. И было на что посмотреть! Яркий, высокий блондин в светлых брюках и голубой рубашке, прямо картинка из модного журнала! Ремень спортивной сумки (всемирно известный бренд, между прочим!) перекинут через плечо, на

запастье дорогие часы. Он знал, что хорош, только не для вас, девушки, старался. Потому что у него сегодня ДЕЛО. А вы, красавицы, подождете до лучших времен.

Главное, ничего не перепутать. Пятый вагон, пятое купе, все места, кроме одного, нижнего, он скупил, хорошо, что сейчас не сезон для поездок в Москву, народ тянется на юг, к морю, да и билет в купейный вагон недешев. Провинциалы предпочитают плацкарт, они на всем экономят, а вот ему сейчас нужно купе без свидетелей, полупустой вагон и полная свобода действий. Вот уже два часа он ждет проходящий поезд на этом провинциальном вокзале. Жуткая дыра! Пирожками чуть не отравился, а что за кофе? Просто пошло! Но игра того стоит.

Где же она, эта девица? И какая из себя, хорошенькая или страшная как смерть, а может, самая обыкновенная? Придурить бы ее, а потом выкинуть труп на железнодорожное полотно, да и дело с концом. Но что дальше? Тут игра тонкая. Умри она – он все равно почти ничего не выиграет, только время. А время это вовсе не деньги, которые ему нужны до зарезу. Нет, тут надо иначе. Тонко.

Пятый вагон, пятое купе... Вспомнилось вдруг, как удивилась кассирша на московском вокзале просьбе высокого красивого парня продать ему три оставшихся билета именно в пятое купе. Хорошо, что билеты продают по паспортам. Он выудил у нее всю необходимую информацию. Потому что не родилась еще женщина, способная хоть в чем-то ему отка-

зять. Бедняжке пришлось пойти на должностное преступление, но вскоре он узнал, в каком именно вагоне и в каком купе едет в Москву Мария Эдуардовна Кирсанова. Слава тебе, век компьютерных технологий, породивший базы данных, с которыми гораздо проще работать, чем с бумажными архивами. Он вспомнил, как с улыбкой протянул кассирше свой паспорт:

– Мне три оставшихся билета. Что вы делаете после того как закончите работу?

И все. Полдела сделано.

Блондин самодовольно улыбнулся и вновь нетерпеливо посмотрел на часы. Поезд опаздывает уже на десять минут! А у него, между прочим, будет не так уж много времени. Всего шесть часов. За шесть часов надо придумать, что делать с этой девицей. Шесть часов и пустое купе. Он и девятнадцатилетняя девушка. Хорошенькая или страшненькая? А может, пугливая, как заяц? Едва только он войдет, она тут же завизжит и кинется к проводнику проситься в другое купе, к женщинам. Есть и такие особы, а уж в провинции их наверняка хватает. Тогда решено: под поезд ее. А дальше, как фишка ляжет. Фишка, фишка... В любви ему слишком везет, а вот Фортуна, покровительница рулетки, хоть тоже баба, но его не любит. Ревнует, что ли?

Вот и поезд показался. Пятое купе. Что ж, поехали. Ставки сделаны, господа, игра идет по-крупному. На кону огромное состояние...

...Все-таки он оказался скучнейшим типом, этот молоденький проводник. Анекдоты не догонял, хотя она старалась изо всех сил.

– Ну вот. В гостинице, где-то за границей, у администратора звонит телефон. Тот берет трубку и слышит: «Ту ти, ту, ту, ту». Думает, что это хулиганы, и, пожав плечами, кладет трубку на место. Через минуту снова звонок: «Ту ти, ту, ту, ту». Снова думает, что хулиганы, и бросает трубку. Сверху спускается посыльный, администратор ему говорит: «Слушай, уже в который раз беру трубку, а там только «ту ти, ту, ту, ту». Посыльный говорит: «Русские в гостиницу селились?» – «Селились». – «Ну вот: два чая в двести двадцать второй». Ха-ха-ха! А ты, чего не смеешься?

– А чего смеяться-то?

– Господи, ну, тупой! «Ту ти, ту, ту, ту» – это на каком английском два чая в двести двадцать второй номер. Ту – это два. Ти – это тиа, чай то есть. Ну? Смешно?

– Не-а.

– Да-а. Вот о чем с тобой говорить? Ты хоть в школе-то учился? Не-а. А у нас преподаватель английского был такой лапочка! Мы занимались дополнительно. Все, чему учат красивые мужчины, я запоминаю влет, такой уж характер. Вот и с инлишем ноу проблем... Слушай, кажется, к большой станции подъезжаем?

– Черт! Забыл! Я же на работе! Ладно, побегу.

– Пойти, что ли, воздухом подышать? Долго стоим?

– Минут десять.

– Выходить, заходить. Причесываться надо... Лень! Тут останусь.

Проводник убежал, а она со вздохом закрыла дверь купе и посмотрела в зеркало. Поправила волосы, зевнула. Еще целых шесть часов ехать, а этот парень теперь вряд ли отстанет! Туповат оказался, скучно. Сказать, что ли, что спать очень хочется, и выставить его за дверь? И тут она услышала деликатный стук. На проводника не похоже, он здесь же как хозяин себя ведет. Кого еще черти принесли? Попутчики? Наконец-то!

– Да! Не заперто! Войдите!

– Не помешал?

Дверь открылась, и она даже растерялась слегка. Чего с ней, Марией Кирсановой, отродясь не бывало. Но тут она увидела ТАКОЕ... То есть ТАКОГО! Парень был настолько хорош, что у нее дух захватило. И одет совсем не так, как одевались мужчины у них в провинции. А как ему все это шло! Светлые брюки и рубашка лазоревого цвета. «У нас бы сказали: вырядился как педик». Маруся никогда бы не подумала, что такие мужчины ездят в поездах! Только самолетом, Москва – Париж – Лондон!

– Входи... те.

– Спасибо. А с вещами можно?

– Вы что – сюда?!

– Пятое купе, я не ошибся? – Блондин заглянул в билет, который держал в руке.

– Нет. То есть да. Это действительно пятое купе.

– Вот и замечательно! – Он легко закинул на верхнюю полку свою сумку и закрыл дверь: – Не возражаете?

– Нет. У вас же билет.

– Вот именно.

Он сел, окинул ее ласкающим взглядом и улыбнулся. Она совсем поплыла. В висках застучали молоточки, а живот отчего-то превратился в гелевый воздушный шарик. В нем образовалась сладкая пустота. Марусе казалось, что она вот-вот воспарит под самый потолок.

– До Москвы едете? – все с той же улыбкой спросил блондин.

– Да. – Слова как будто в горле застряли. Надо сначала в себя прийти.

– Я тоже до Москвы, а поскольку нам вместе ехать, то разрешите представиться: корнет Оболенский.

Блондин слегка нагнул красивую голову, отчего на лоб картинно упала прядь волос. У Маруси было ощущение, будто она смотрит по телевизору фильм. В главной роли дуреха-провинциалка Машка Кирсанова.

«Рот закрой! – мысленно велела она себе. Не про тебя товар. Хотя...» Она кокетливо взглянула на блондина:

– Какой корнет? Не поняла?

– Фамилия моя такая: Оболенский. Эдуард Оболенский.

Совсем как в песне. Помните? «Подайте бокалы, поручик Голицын, корнет Оболенский – налейте вина».

– Я такой песни не знаю.

– Придется вам спеть. А лучше налить. Вас как зовут?

– Маруся. То есть Маша. Мария.

– Мария, вы, кажется, хотели воздухом подышать?

– Воздухом? Нет уж, я лучше здесь посижу.

Она вроде бы отдышалась, пришла в себя и стала рассматривать блондина с откровенным интересом. У него и в самом деле черные глаза, или это ей только кажется при свете неяркой лампы? Черные глаза, угольно-черные ресницы, а волосы светлые. И нос прямой, и в самом деле аристократический. Красавчик просто!

Он тоже разглядывал девушку с неподдельным интересом.

«Нет, эта не побежит к проводнику проситься в соседнее купе...»

– Корнет, вы какими судьбами в этих краях? – Маруся закинула ногу на ногу.

– Путешествую. По делам. Можно на «ты» и просто Эдик.

– С ума сойти! Моего папашу тоже Эдуардом звали, между прочим. Эдуард Листов, слышал про такого художника?

– Листов? Этот тот, который недавно умер? Как же: знаменитость! Кто про него не слышал.

– Вот уж не знала, что мой папочка пользовался такой популярностью в молодежной тусе!

– Так ты его дочь? – Опа! Она его заинтересовала! И папочка, оказывается, может на что-то сгодиться! – Это забавно. Можно я за тобой поухаживаю? Люблю живопись.

– Ладно, корнет, не церемонься. Ты мне сразу понравился, да и я девушка симпатичная. Чего зря время терять?

Он не выдержал и рассмеялся. Все оказалось гораздо проще. Стоило голову ломать! Ну и девица! И это дочь Эдуарда Листова?! С ума сойти, как она только что сказала! Он окинул оценивающим, откровенно раздевающим взглядом Марию Кирсанову и улыбнулся:

– Куришь?

– Конечно!

– Вино пьешь?

– Еще бы!

– А что говорят по этому поводу родители?

– Моя мать – овца. Она в основном молчит. И вообще, корнет, давай короче, дело-то к ночи. Пригласи меня для начала в вагон-ресторан. Выпьем, расслабимся, съедим что-нибудь вкусненькое, а там, глядишь, и Москва.

– А что в Москве?

– Ты и я. Попробую соответствовать. Я дико талантлива.

– В чем?

– Я художница, причем гениальная. А у тебя какие таланты?

– Ты скоро узнаешь, – многозначительно улыбнулся он.

– Очень на это надеюсь.

– Мария, ты веришь в любовь с первого взгляда?

– Только давай без этого, корнет. Без розовых соплей. Я не вчера женщиной стала. А ты мужиком. Не будем усложнять себе жизнь. Если я тебя, как сексуальная партнерша устраиваю, ехать нам будет не скучно. Возможно, что и в дальнейшем не скучно.

– Я думаю, мы договоримся, – серьезно сказал Эдик.

– Договориться мы можем только об одном: ты сверху, я снизу. О'кей?

– Есть еще одна тема...

И тут раздался стук в дверь.

– Да! Войдите! – раздраженно крикнула она.

– Маша, ты не спишь? – просунул голову в купе проводник и сразу заметил блондина. Кисло спросил: – Что, попутчик объявился?

– Точно, – кивнула она. – Мы собираемся в вагон-ресторан, а ты иди арбайтен. Или бай-бай, если всем уже чай разнес. Сегодня явно не твой день, парень.

...Майя никак не могла заснуть: в ее купе громко храпели сосед и соседка. Под этот несмолкающий аккомпанемент, то хрипы, то стоны, не только задремать, думать о чем-то приятном было невозможно. А неприятные мысли она, собираясь в Москву, предпочитала оставлять дома. Она не выдержала, вышла в коридор и долго стояла, смотрела в окно. В полночь Майя вышла на перрон и вдоволь надышалась свежим воздухом на большой станции, где перецепляли паро-

воз. Теперь они развернулись и ехали в другую сторону.

Майя решила, что так и будет стоять всю ночь в коридоре, смотреть в окно, ждать, когда поезд подъедет поближе к столице. Соскучилась уже. Нет, жить в этом огромном городе ей никогда не хотелось, но жить вообще без него не хотелось тоже. Так, приезжать изредка, окунаться в шумную, суетливую жизнь, ходить по театрам, по музеям, побывать на Красной площади, послушать бой курантов, а потом непременно вернуться домой, в тихую гавань.

Никогда она не поступит в театральное училище, но обязательно поедет в Москву и на следующий год, и еще через год. Пока не расхочется там бывать. Может, она специально ставит перед собой непосильную задачу? Предложили бы Майе постоянно жить в Москве, что бы она на это сказала? Страшно.

Вот и еще кому-то не спится! Ба, да это же известная всему городу Маруся Кирсанова, дочь художника! Надо же, и тут подцепила какого-то парня и тащит его наверняка в вагон-ресторан! Разве он не закрыт уже?

– Эдик, я тебе покажу что-то интересное! Здесь у меня папашино наследство, – девушка энергично махнула сумочкой на длинном ремешке.

Майя уставилась на парня, который сопровождал Марусю Кирсанову. Никогда не видела таких красивых! Он задел ее плечом и скользнул безразличным взглядом:

– Извините.

– Ничего страшного.

Она посторонилась и пропустила их. Ресторан наверняка уже закрыт, поезд обычный, не фирменный, минут через двадцать эти двое пойдут обратно и можно будет еще разок полюбоваться этим Эдиком.

– ...Нет, что за свинство! Куда мы попали, а, корнет?

– Успокойся, Маша, в купе выпьем. Пиво-то нам продали.

И джин-тоник.

– А закусить?

– На закуску я подарю тебе поцелуй. Не пожалеешь.

Майя вспыхнула: хоть бы людей постеснялись! Блондин опять задел ее плечом:

– Извините.

– Все в порядке, – с досадой сказала она.

И как только вульгарнейшая Маруся умудряется подцеплять самых красивых парней? Что они в ней находят? Мама всегда говорила Майе, что девушку украшает скромность. Зато доступность пользуется у мужчин популярностью. Майе такой парень, как Эдик, увы, не светит.

Она вздохнула и вернулась в купе, легла, накрылась простыней, попробовала уснуть. Нет, невозможно! Эти двое спят как убитые и храпят, храпят, храпят... Сколько же времени прошло? Полчаса? Час?

И вот она снова стоит в коридоре, смотрит в окно. Светлая июньская ночь, спать все равно не хочется. И не только ей: Маруся Кирсанова снова тащит куда-то своего спутника.

Они что, всю ночь пить собираются?! А потом, как это говорится? Колбаситься? Дочь художника, выпив джин-тоника, стала еще энергичнее, развязнее и шумнее. Сейчас перебудит весь поезд! Они, похоже, идут в вагон-ресторан за добавкой. Разве можно девушке столько пить?!

– Нет, ты видел его письма?! Это же отписки какие-то! Нужна я ему была. Все эти девятнадцать лет? Нет, ты скажи: нужна? Ну, ничего, я им всем теперь задам!

Блондин был почти трезв, он обнимал свою спутницу за талию, чтобы, не дай бог, не упала. И вроде бы пытался на что-то ее уговорить. Майя невольно прислушалась, но громкий голос Маруси все заглушал:

– Да плевала я на его наследство! Даже и не упоминай, понял? Плевала я на них на всех! Понял?! Плевала!!

Обратно они возвращались все с теми же банками и бутылками. От Маруси к тому же пахло сигаретами. И опять Эдик задел стоящую у окна девушку плечом.

– Извините.

На этот раз она промолчала. Они скрылись за дверью в соседний вагон, а Майя чуть не заплакала от досады. Он ее даже не узнал! А ведь второй раз сталкиваются нос к носу! И опять это ледяное: «Извините». Как на пустое место посмотрел! А многие считают ее хорошенькой.

В третий раз эти двое проходят по вагону, в котором едет Майя, уже под утро. Пять часов. Поезд запаздывает примерно на полчаса. Господи, неужели и сейчас они раздобудут

выпивку?! Нет, видимо, в вагоне-ресторане им отказали, и правильно: скоро Москва. А Маруся совсем разошлась. Всю ночь квасить – это вам не шутки! Или блондин ее нарочно спаивает? Сам он почти трезв.

Проходя мимо Майи, Маруся Кирсанова споткнулась и нецензурно выругалась: туфля слетела с ее ноги.

– Эдик! Б...! Помоги!

Красавчик ничего, терпит. Нагнулся, взял туфлю и стал надевать на ногу пьяной красавицы.

Еще раз выругавшись, Маруся пьяно покачнулась и вцепилась ему в плечо:

– Что-то меня развезло...

– Бывает, – блондин распрямился и вновь крепко обнял ее за талию. – Держись. Скоро Москва. А если папина родня увидит тебя в таком виде?

– А я их всех послала!

– То есть на вокзал никто не приедет?

– А ну их всех! – Маруся опять начала материться. – Давай повеселимся, Эдичка! Ту ти, ту, ту, ту! Мое от меня не уйдет. И вообще: я ж-жутко талантлива.

– Верю.

– Нет, ты не веришь.

– Верю.

– А в любовь с первого взгляда?

Блондин громко рассмеялся:

– С тобой – хоть на каторгу!

– Лучше на юг. К морю.

– Я тоже так думаю! – согласился он.

И вновь, уже в который раз, задел Майю плечом.

– Извините...

Она напряглась: что бы такого умного сказать? Так хочется, чтобы парень обратил внимание и на нее. Но заметила ее Маруся, не он.

– А... землячка, – фыркнула дочь художника. – Вот, Эдик, познакомься, это дочка нашего завуча, ж-жуткая зануда. Такая же, как и ее мамаша. А вот я... Я девушка веселая! Сейчас возьму и сделаю какую-нибудь глупость!

– Верю, – опять рассмеялся блондин. – Обожаю авантюристок!

Майя стусевалась. Оказывается, она – жуткая зануда! А блондину нравятся авантюристки.

– А вот мы сейчас пойдем и сделаем какую-нибудь жуткую глупость, корнет! – заорала Маруся.

– Идем, солнце мое! Я в нетерпении!

В обнимку с Марусей красавчик ушел в соседний вагон, а спустя некоторое время Майя заметила маленькую сумочку на длинном ремешке. Сумочка лежала на полу, видимо, Маруся, пытаясь самостоятельно надеть туфлю, уронила свое сокровище. Несколько минут Майя была в мучительном раздумье: что делать? Вдруг там что-то ценное? Проводнику отдать? Но она твердо знает, что это сумочка Маруси Кирсановой. Проще отдать находку ей.

Майя подняла с пола сумочку.

Поезд приближался к Москве. Девушка колебалась. Если она немедленно побежит искать Кирсанову, то вовремя не сдаст постельное белье. Проводница гавкает, как цепная собака:

– Пассажиры, просыпайтесь! Москва скоро! Сдавайте постельное белье! У меня день не резиновый, не собираюсь на вокзале торчать! Поторопитесь! Девушка, что стоим? Белье сдавайте!

Майя не посмела послушаться. Кирсанова подождет. Соседи по купе уже встали, Майя, присоединившись к ним, торопливо стала собирать простыни.

И тут поезд словно наткнулся на невидимую стену. П слышался отвратительный скрежет тормозов. Соседка больно ударилась головой о верхнюю полку и вскрикнула:

– Ой!

– Что такое? – заволновался сосед.

Майя выглянула в коридор: неужели Москва? Рановато.

По коридору неслась раскрасневшаяся от злости, взволнованная проводница, крича:

– Стоп-кран кто-то сорвал! Вот уроды! Кто их только таких рождает?! И так не по графику идем! Полицию на них надо!

Пассажиры начали дружно возмущаться.

– Девушка... – Майю кто-то тронул за плечо.

– Да? – Она обернулась: сосед.

– Вы не заходите минут пять, мы с женой переоденемся.

– Хорошо.

Она подумала, что пока сбегает в соседний вагон, отдаст Кирсановой сумочку. Та вроде бы садилась в пятый. Минутное дело: добежать, отдать.

Майя заторопилась. В соседнем вагоне молоденький проводник стоял навтыжку перед суровым дядькой в форме железнодорожника и взволнованно оправдывался:

– Я-то здесь при чем? Они сдернули стоп-кран и вместе с вещичками сиганули прямо на пути! Эта девица просто ненормальная! Всю ночь пили! Вот и допились!

– А почему у тебя в вагоне пассажиры в таком состоянии?!

– Я им, что ли, наливал?

– Хулиганье!

– Вот и я говорю.

До Майи наконец дошло: это же Маруся и блондин дернули стоп-кран! Но зачем? Срочно понадобилось выйти? А как же сумочка? Маруся была такая пьяная, что даже ее не хватилась. Ладно, ничего страшного не случилось. Майя знает Марусину мать, вернувшись в родной город, обязательно отнесет ей сумочку. В тот же день. А Кирсанова в следующий раз будет умнее. Что хоть там? Может, все Марусины деньги?

Майя понимала, что ее поступок выглядит не слишком красиво, но все-таки щелкнула замочком. Ни денег, ни документов в сумочке не было, только блокнот и пачка писем. Все они были от Эдуарда Олеговича Листова.

Она наморщила лоб. Да, именно так звали знаменитого художника, который недавно умер, Марусиного отца. Весь город знает, что Эдуард Листов – ее отец. Это очень ценная вещь: его письма. И вот еще фотография: должно быть, на ней сам Листов, в светлой шляпе, с сигаретой в длинных пальцах, пальцах художника. Он лежит в гамаке, с расслабленным лицом, взгляд загадочный, туманный. Майя так его себе и представляла. Художник! А красивый какой! Почти как Эдик. Тот самый блондин, что выпрыгнул из поезда вместе с Кирсановой, сорвав стоп-кран. Они даже похожи.

В блокноте, который она открыла наугад, было множество адресов, телефонов, а одна страничка заложена: «Папа». Московский адрес, и еще какой-то, «Коттеджный поселок Джулия», видно, адрес загородного дома, подробное описание, как до него добраться, телеграмма: «...Марии Кирсановой. Срочно приезжайте подать заявление...»

Майя положила блокнот в сумочку и тяжело вздохнула. А вот ее в Москве никто не ждет.

Надо идти собирать вещи. Скоро поезд прибудет на Казанский вокзал. Что ж, у Маруси Кирсановой одна судьба, а у нее, Майи, другая. И не надо никому завидовать. Ах, если бы не Эдик!..

Москва, утро

Майя просто не могла о нем не думать. Она таких парней не встречала. Если только в Москве, в коридорах театрального училища, куда она каждый год ездила поступать.

Но они ее так же, как и Эдик, не замечали, эти парни. А вот Кирсанова познакомилась с ним без проблем! Или это он с ней познакомился? Ну почему он сел именно в тот вагон, где ехала Кирсанова, а не в тот, где была Майя? Что ж так не везет-то? И ни в чем не везет.

– Девушка, вы выходите? Не загораживайте проход!

– Что? Ах да, выхожу!

Она задумалась и не заметила, как поезд прекратил свое движение. И что она стоит в проходе, мешая другим пассажирам увидеть Москву уже не из окна вагона, а, так сказать, воочию, пощупать ее руками, окунуться в бурлящую столичную жизнь... Майя всю ночь не спала и была какой-то рассеянной. А тут еще найденная сумочка, письма, фотография, сорванный стоп-кран и внезапное исчезновение Кирсановой и ее спутника.

Немного волнуясь, она ступила на перрон. И невольно поежилась: прохладно. Было раннее утро, но на вокзале, возле выхода на перроны к поездам, уже толпился народ. Одни встречали, другие провожали, покрикивали носильщики, надрывались таксисты.

– Такси, кому такси!

– Девушка, такси не надо?

– Эй! Поберегись!

Казанский вокзал Майе сразу не понравился. На Павелецком, куда раньше прибывал этот же поезд, было гораздо спокойнее и цивилизованнее. А здесь... Как-то все неудобно,

шумно, а главное, незнакомо. Вещей у Майи было немного, чемодан да небольшая дамская сумочка, в которой, завернутые в плотную бумагу, лежали деньги и документы. Ту, что забыла в поезде Маруся, Майя засунула в чемодан. Почему-то сегодня и Москва ее не радовала. Она уже пожалела, что приехала. Послушалась бы маму, сидела в деревне вместе с братьями, радовалась солнышку, прохладной речке, поспевающей клубнике.

Майя невольно вздохнула.

– Носильщика, носильщика! Кому носильщика!

Она встрепенулась. Господи, куда идти-то? Да, все правильно: надо взять такси. Но сначала пройти через толпу людей, ожидающих поезда.

– Внимание! Объявляется посадка...

Толпа ринулась штурмовать вагоны. Майя растерялась. Она давно уже отвыкла от такого количества людей. Суета, давка... Что ж они так спешат-то? Все ведь уедут!

Ее чуть не сбили с ног. Почти оглушенная, помятая, расхристанная, Майя с трудом выбралась из толпы. Да, это Москва... Куда же, интересно, поехали Эдик и Маруся? Опять она думает об Эдике! Да не все ли равно? Никогда ведь больше не встретятся. Не судьба.

Через подземный переход Майя вышла на широкий, забитый машинами проспект, где возле своих «лошадок» дежурили частники-извозчики. Их было много, и все наперебой предлагали:

– Такси!

– Девушка, возьмите такси!

– Куда едем?

Один так и вцепился в ручку ее чемодана. Майя заколебалась. А вдруг это и есть маньяк? Мамочка предупреждала. не садись к частникам. Может, лучше воспользоваться метро? И сколько запросит таксист?

Господи! А деньги-то? Надо бы сразу достать мелкие деньги, переложить нужную сумму из кошелька в карман. Майя схватилась за сумочку. Ее рука нервно зашарила в поисках кошелька. И вдруг она похолодела. В сумочке была огромная дыра! Где же она так? За что зацепилась? И где кошелек? Неужели выпал?! А пакет с деньгами и документами? Где он?!

Потеряла... Или... украли? Разрезали сумочку? В толпе, пока пробиралась с перрона на вокзал? Как же так? И куда теперь? Без денег, без документов. Как поступать в театральное училище? Боже, какое училище! Даже обратный билет не на что купить! И родных в Москве никого! Телефон! Слава богу, он лежит в отдельном кармашке. Хоть его оставили! Но там денег почти нет! Отбить маме вместо «доехала, все нормально» «ограбили на вокзале, приезжай, забери меня»? Ну и растяпа! Что тут еще скажешь?

В панике она начала метаться в надежде, что бумажный пакет лежит где-то на дороге. Вдруг он просто выпал, но вора не достался. И все еще можно поправить. Теперь Майя

думала не о деньгах, а о документах. Ведь там были паспорт, диплом! Там было все! Вся ее жизнь! Глаза застилал туман, и, почти ничего не соображая, Майя побежала не к подземному переходу, а совершенно в противоположную сторону, на дорогу...

– Миша, пожалуйста, побыстрее!

– Стараюсь, Нелли Робертовна! Стараюсь! Кто ж знал, что будет авария и с самого утра огромная пробка?

– Будь так любезен, поторопись! Мы опаздываем!

– Делаю что могу.

– Ну вот. Опоздали. Теперь я совершенно точно ее не найду. Ну почему в доме нет ни одной Марусиной фотографии!

– В телеграмме же ясно написано: встречать не надо.

– Вот и ты меня осуждаешь.

– Нелли Робертовна! Я всего лишь шофер, разве я смею!

– Все меня осуждают. За телеграмму, за то, что позвала в Москву наследницу. Вы все этого не хотите...

– Я-то уж вообще ни при чем.

– Из-за вас я столько времени колебалась, ехать – не ехать, а теперь опаздываю к поезду! Опоздала. Побыстрее, пожалуйста, Миша!

– Теперь-то зачем? Поезд все равно уже пришел. Если только он тоже опоздает.

– Вдруг она еще на вокзале, ловит такси? Или поедет в московскую квартиру? А там никого! Все на даче!

– Ничего, сообразит. И потом: вы же ее никогда не видели, эту Марусю, даже лица не представляете. Мы точно разминемся.

– Ничего, узнаю как-нибудь. Сердце подскажет, ведь Эдуард – ее отец. Я просто обязана ее встретить! Она же бог знает, что подумает! Что ее не ждут, не хотят видеть...

– Действительно: не хотят.

– Это воля Эдуарда. Он так решил. Вы все должны с этим считаться...

– Господи, вот ненормальная!

– Да кто!

– Девица! Мечется, как сумасшедшая! Да куда ж она? А?

– Миша, тормози! Миша!!!

На асфальте расплылось большое красное пятно. Кровь. Такой же красный туман стоял у Нелли Робертовны в глазах, словно ожила одна из картин ее покойного мужа. Эюд в красных тонах. Какой ужас!

...Толпа возле сбитой девушки собралась почти мгновенно, народу на Площади трех вокзалов в любое время суток полно. Кто-то по мобильному телефону звонил в МЧС, тут же появилась полиция.

– Так, граждане! Разойдитесь!

– Надо ее перенести!

– Не трогайте ничего! Вдруг что-то серьезное? Лучше дожидаться «Скорой».

Нелли Робертовна застыла у машины с помятым бампе-

ром.

– Миша! Ужас какой, Миша! Что теперь делать?!

– Да жива она, жива!

– Сама под колеса кинулась!

– Сумочку у ней бритвой разрезали. А там, наверное, все деньги были. Вот и заметалась.

– Приезжая, с поезда, должно быть. Вон и чемодан.

– Миша!

– Нелли Робертовна, успокойтесь.

– Граждане, пропустите!

– Где же «Скорая»?

– Граждане, дайте пройти полиции! Кто сбил женщину?

Чья машина? Кто свидетель?

Пока к месту происшествия ехала «Скорая» и человек, назвавшийся врачом, оказывал девушке первую медицинскую помощь, сотрудник полиции попытался выяснить личность потерпевшей. Из открытого чемодана была извлечена маленькая черная сумочка на длинном ремешке.

– Так. Документов нет. Но вот заложённая страничка, на ней писано «папа». Листов Эдуард Олегович...

– Миша!

– Нелли Робертовна!

– Господи, да это же она! Маруся!

– Вот тебе и встретили...

– «Скорая»! Наконец-то!

Нелли Робертовна Листова была близка к обмороку. Ее

шофер тоже находился в подавленном состоянии, хотя свидетели в один голос утверждали, что девушка сама бросилась на проезжую часть. Сотрудник полиции неторопливо, со знанием дела, заполнял протокол.

– Нелли Робертовна? Вам плохо? – взволнованно спросил Михаил. – Сердце, да?

– Дайте кто-нибудь женщине капель! Врача сюда!

... – Как она? – спросила вдова Эдуарда Листова, после того как ей сделали укол успокоительного, у врача, приехавшего на «Скорой».

– Сотрясение мозга. Пока без сознания от болевого шока. Похоже, сломано два ребра. В больницу ее надо.

– А кровь? Откуда кровь? – заволновалась Листова.

– Головой об асфальт ударилась, но, по счастью, несильно.

Шофер успел затормозить. Молодец просто!

– Я поеду с ней! В больницу!

– А вы, простите, ей кто?

– Я знаю эту девушку. Вернее, я ехала ее встречать.

– Родственница? Знакомая?

– Родственница, да.

– Вы-то сами как себя чувствуете?

– Почти нормально. Просто не понимаю, как это могло случиться? Нелепость какая-то. Она ехала в Москву, к нам, и... Миша! Поедем скорее, Миша! Я сяду в «Скорую», рядом с ней, а ты поедешь за нами.

– Сожалею, гражданочка, но водитель будет задержан до

выяснения обстоятельств. Человека сбили. Хотя дело, кажется, ясное, девушка сама виновата, но надо оформить все как положено. На случай, если она и ее родные предъявят претензии.

– Господи, да мы заплатим, за все заплатим! Не может быть никаких сомнений по этому поводу! За лечение, за врачей. Миша!

– Я потом приеду, Нелли Робертовна. Езжайте. Куда ее сейчас? – мрачно спросил водитель у шофера «Скорой помощи».

– Пока в Склифософского...

– Нет-нет! – засуетилась Листова. – В хорошую частную клинику!

– Да где ж мы вам сейчас...

– Тогда в отдельную палату. Я все оплачу. Только все самое лучшее. Ума не приложу, как это случилось?

Ближе к полудню

– Маруся...

Она невольно заволновалась: какой ласковый голос. Со всем как у мамы... Потом Майя поморщилась: пришла боль. В глазах стоял розоватый туман, так что лучше их закрыть. Да еще и тошнит.

– Маруся...

Это же мама, ее мама. Только она ее так называет: Маруся. «Значит, я дома? Все, слава богу, закончилось. Самое страшное позади, мама будет заботиться о своей глупыш-

ке-доченьке, она всегда будет рядом».

– Как ты себя чувствуешь, Маруся?

– Ни... чего.

– Голова, да? Сильно болит голова?

– Да...

А вот разговаривать сейчас хочется меньше всего. И глаза открывать не хочется, совсем. Голова действительно болит, и грудь тоже. Как же она так? Ведь что-то случилось? Что-то ужасное? Перед тем как эта машина...

– Ай!

Она все вспомнила! Деньги и документы! Пропали все деньги и документы! Как же мама ее тогда нашла?

– Ты, Марусенька, лежи, отдыхай. И не беспокойся: все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

Нелли Робертовна на цыпочках вышла из палаты.

– Надо бы родственникам сообщить, – строго сказал врач. – Она ведь приезжая, не москвичка?

– Я родственница. Жена ее отца. Покойного, увы. Но в Москве у девушки никого больше нет. Она ехала к нам. А ее мать... Не надо пока никого беспокоить. Ведь никакой опасности нет?

– Для жизни нет. Никакой опасности. Надо сказать, что ваша юная родственница легко отделалась! Но не мешало бы сделать томографию и вообще пройти тщательное обследование. Как-никак головой ударилась.

– Вот вы сначала все выясните, а потом сообщим ее мате-

ри. Все равно такие деньги, какие я вам плачу, она заплатит не в состоянии. Это понятно?

– Да. Вполне.

– А за девушкой я поухаживаю сама. Посижу с ней.

– Кажется, уснула, – вышла из палаты медсестра. – Я сделала ей укол.

– Хорошо, – согласно кивнул врач. – Пусть спит. Кстати, ее вещи вы заберете или отправить в камеру хранения?

– Я все заберу домой. Не надо никакой камеры.

... Через полчаса Нелли Робертовна Листова сидела возле кровати спящей девушки и читала письма своего покойного мужа Эдуарда, адресованные другой женщине. Женщине, родившей ему внебрачного ребенка. Читала и плакала, хотя никакой любви в этих письмах не находила. Более того, они напоминали отписки. Эдуард Листов мало заботился о том, как растет его дочь, что она любит, чего не любит, часто ли болеет, хорошо ли учится.

Алевтина не умела пользоваться компьютером, поэтому по старинке писала письма. Сначала потому что Интернета не было, а потом по привычке. Марусю об этом не просила, да и все равно получила бы отказ. Что касается Листова, то он человек пожилой, так и не освоивший компьютерных технологий, больше доверял бумаге.

«...сейчас очень занят. В следующем месяце состоится выставка моих работ в Лондоне, я обязательно должен присутствовать. Конечно, места у вас красивые, и зимой, как и

летом, должно быть, очень хорошо. Но приехать нет никакой возможности. Знакомые жены давно продали тот дом, в котором я когда-то жил, а остановиться у вас, Аля, мне представляется не совсем приличным...»

«...могли бы, конечно, приехать ко мне. Жена Нелли в курсе моих с вами отношений, но сказать с полной уверенностью, что она отнесется к вашему с Марусей приезду положительно, я не могу. К тому же летом мы постоянно живем на даче, а кроме нас, там находятся мой сын и мои внуки. Это очень шумная компания, и вам здесь будет неприятно и неудобно...»

«...готов принять. Но о художественном училище думать пока рано. И вообще эта затея с живописью не представляется мне слишком обнадеживающей. Если есть материальные проблемы, немедленно сообщите. Готов выслать любую (подчеркнуто) сумму...»

«...не судите меня строго. Только сейчас начинаю понимать, как обделил себя в жизни. Часто вас вспоминаю, благо есть кому напомнить. Я давно должен был забрать девочку к себе, а теперь поздно. Я всю жизнь слишком идеализировал свою жену, слишком дорожил ее пониманием, а получается, что попустительством. Она попустительствовала моим порокам, не в состоянии была родить мне ребенка, а потому удерживала чем только могла. Проклинаю тот день, когда женился на Нелли. Лучше бы рядом со мной была простая женщина, такая как ты, Аля, и дочь, которая меня бы по-на-

стоящему любила...»

Это было последнее письмо, судя по дате, самое длинное и откровенное, и Нелли Робертовна рыдала, читая его. Нет, не случайным было желание мужа развестись с ней, он долго к этому шел. И ей стало вдруг так обидно... Что плохого она ему сделала? Разве отказывалась посылать его внебрачной дочери деньги? Возражала лишь против ее появления в доме. Потому что здесь и без того достаточно потомков Эдуарда Листова! Законнорожденных, между прочим!

Нелли Робертовна внезапно затосковала. Ах, если бы эта светленькая девочка была ее дочерью! Ее и Эдуарда. Но нет. Они совсем *чужие*.

– Какое удивительное сходство с девушкой, той самой, со знаменитого портрета! – прошептала Нелли Робертовна. – А ведь это лучшая картина моего мужа!

Ей страстно захотелось вдруг, чтобы все это исчезло: и больничная палата, и девушка, спящая в кровати, и эти письма. Исчезло бы, как сон, который был ли, нет, не поймешь. И вернулась бы прежняя размеренная жизнь.

Она тяжело вздохнула и потрясла блокнот. Вдруг там еще что-то? Так и есть! Из блокнота выпала старая фотография, Нелли Робертовна сразу же ее вспомнила. «Любимой женщине подаришь, когда попросит...» Так вот кому подарил снимок Эдуард! Матери этой Маруси! Еще одно свидетельство большой любви. А еще это завещание. Она вспомнила его содержание и заволновалась. Не затормози вовремя Ми-

ша, как знать? Не было бы проблем, которые наверняка теперь будут.

«Что за мысли? – рассердилась она на себя. Надо жить достойно и честно! Раз мой муж так решил – тому и быть!»

То, что, разведясь с ней, муж ни копейки не оставил Нелли Робертовне, ее не удивило. Последнее время они с Эдуардом были на ножах. То ли он впал в старческий маразм, то ли действительно ее возненавидел.

«Все мое движимое и недвижимое имущество, в чем бы на момент моей смерти оно ни заключалось, завещаю двум моим детям: Георгию Эдуардовичу Листову и Марии Эдуардовне Кирсановой. Последнюю официально признаю своей дочерью и законной наследницей половины всего, что я имею. Если же до того момента, как завещание вступит в силу, один из наследников по каким-то причинам умрет, оставшийся в живых наследует и его половину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.